

© В.А. Тишков

ОТКУДА И КУДА ПРИШЛА РОССИЙСКАЯ ЭТНОЛОГИЯ: ПЕРСОНАЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД В ГЛОБАЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Ключевые слова: российская полиэтничность, мировая антропология, советская и российская этнология, Институт этнологии и антропологии РАН, Ассоциация антропологов и этнологов России, теория этноса, этничность, социальный конструктивизм, постколониализм, индигенность и аборигенная антропология, этнонационализм, культурная сложность, нация и нациестроительство

В статье представлен обзор тенденций в российской академической этнологии за последние три десятилетия. Это анализ состояния дисциплины изнутри, с точки зрения автора, который был все эти годы в центре научной и общественной жизни страны и как директор ИЭА РАН оказывал влияние на академическую стратегию и институциональные перемены. Это также взгляд на национальную российскую этнологию в контексте гносеологических сдвигов и дисциплинарных перемен, которые происходили в мировой социально-культурной антропологии и этнологии. Основные положения статьи касаются: а) внутридисциплинарной инерции и трудной ревизии советского наследия; б) ограничительного воздействия доминирующих публичных практик на выбор метатеоретических конструкций, таких как социальный конструктивизм, в культурно-сложных обществах; в) влияние на научное общество идеологии и практики этнонационализма и порожденной им “пост-колониальной” или аборигенной антропологии; г) соединение этнографической традиции и новых направлений и перспектива поиска культурных схожестей как антитеза традиционной одержимости установлением различий. В статье анализируются проект нациестроительства на основе полиэтничной гражданской нации как одна из перспектив антропологического видения России и место ученых в этом проекте. Автор оценивает постсоветский период как один из самых плодотворных в истории отечественной этнологии с точки зрения становления новых направлений, тематического репертуара и географии исследований.

Валерий Александрович Тишков | <https://orcid.org/0000-0001-5479-9039> | valerytishkov@mail.ru | д. и. н., профессор, академик РАН, академик-секретарь Отделения историко-филологических наук РАН, научный руководитель | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

Работа выполнена в рамках темы НИР ИЭА РАН по направлению № 7 “Современные нации, нациестроительство и российская идентичность”

Точки отсчета

В начале 2019 г. под редакцией норвежского антрополога Т.Х. Эриксона и чешского этнолога М. Якубека вышла в свет книга (*Eriksen, Jacoubek 2019*), посвященная 50-летию издания знаменитого сборника статей под редакцией Ф. Барта “Этнические группы и границы: социальная организация культурных различий” (*Barth 1969*). Обе публикации примечательны для истории мировой этнологии и социальной/культурной антропологии: одна оказала мощное и разностороннее влияние на изучение феномена этничности и не только, другая представляет собой попытку ведущими исследователями Европы и Америки осмыслить полувековую эволюцию одной из центральных тем нашей дисциплины — тему этничности. Как один из авторов книги о наследии бартовской концепции и как ветеран этнологического цеха, пользуюсь возможностью изложить некоторые обзорные положения и привести отдельные заключения о развитии мировой и российской этнографической/этнологической науки в недавнем прошлом и о ее возможных перспективах. Не претендуя на полноту обзора, статья представляет собой, как подчеркивает ее название, “персональный взгляд” на обсуждаемые проблемы.

Поскольку книга под редакцией Ф. Барта и содержащаяся в ней концепция дошли до русскоязычного читателя с огромным опозданием (*Барм 2006*), то можно сказать определенно: позднесоветская этнография эпохи Ю.В. Бромлея и западные антрополого-этнологические штудии шли почти не пересекающимися курсами, по крайней мере с точки зрения их теоретико-методологического арсенала. Об этом, кстати, написала американский антрополог К. Вердери, вспоминая историю совместных советско-американских симпозиумов в Таллине и Новом Орлеане в 1980-е годы. Эти форумы были инициированы горбачевской перестройкой и координировались с советской стороны Ю.В. Бромлеем, с американской — С. Минцем в рамках межкаademicеских обменов наших стран. Вот как К. Вердери описывает свои впечатления от этой “встречи” двух школ и идеологий:

В то время я не все осознала. Я просто смотрела на советских ученых как на теоретически допотопных [*theoretically antediluvian*] по сравнению с нами — молодыми барто-марксистами, вооруженными актуальными тогда ситуационализмом, самоидентификацией, политической экономией. На самом же деле я была свидетелем одной из великих коллизий в работе обществоведов — проблемы связи теории и социальной идеологии... Тогда на конференции я встретила собеседника [*interlocutor*] (имеется в виду Ю.В. Бромлей. — *В.Т.*) ...предлагающим теоретическое объяснение (его концепт *этноса*) как открытое обоснование идеологии, удерживающей единство Советского Союза (*Verdery 2019: 40*).

“Где кончается этническая теория и начинается идеология?” — спрашивает себя К. Вердери. Тогда у нее не было ответа, и только спустя время она поняла, что “на этой конференции произошло столкновение чего-то гораздо большего, чем хорошая и плохая теории” (Там же).

Я, как участник вышеупомянутых встреч, в свое время также был шокирован, услышав от западных коллег, что “этносов не существует”, что не только этничность, но даже раса представляют собой социальные конструкции. Еще больше меня повергла в смятение язвительная реплика известного антрополога Э. Вулфа после прочтения мною на Международном конгрессе антропологических и этнологических наук в 1988 г. в Загребе доклада Ю.В. Бромлея¹ о современных этнических процессах: “Спасибо Вам за лекцию по социальному расизму”. Большого стыда я не переживал в своей жизни. Реакцией на все эти внешние воздействия (западные книги и подходы, вполне доброжелательные дискуссии с американскими коллегами) стало мое убеждение, что процветавшие в советской этнографии примордиализм

и социобиологический эволюционизм скорее говорят о кризисе, а не о победной поступи нашей науки. Сюда же добавилось влияние британского антрополога Э. Геллнера, благожелательный интерес которого к советскому обществознанию (см.: *Gellner* 1980, 1988) не помешал критичной оценке теоретической базы советской этнографии.

При всем моем интересе к тогдашним западным подходам в изучении этнического было понятно, что постулаты социального конструктивизма будут трудно утверждаться на российской почве, если вообще их удастся включить в теоретико-методологический арсенал. А еще более сложной представлялась задача разведения “национального” и “этнического”, особенно пересмотр категории “нация” в пользу ее гражданско-политического смысла или хотя бы утверждение возможности двойной трактовки столь известной категории. Мой опыт изучения “национального вопроса” в Канаде (*Тишков* 1974, 1977, 1978), где соперничали концепты общеканадской, регионально-этнической квебекской и аборигенной наций (именно в те годы родилось движение “первых наций”), также подсказывал необходимость ревизии одного из фундаментальных постулатов советского обществознания.

Ныне, с дистанции почти трех десятилетий, можно сказать, что главное препятствие на пути модернизации отечественной этнологии заключалось даже не в “допотопном примордиализме” и эволюционизме теории этноса, а в социально-политической действительности, основанной целиком на концепте этнонационального государствовоительства при существующем и верхушечно контролируемом этническом национализме. В обществе, где основополагающая роль отведена этническим различиям, начинают действовать особые практики, факторы, аргументы и эмоции. Здесь проявляются особые закономерности в поведении разных сообществ, их элит и отдельных личностей. Здесь и сам исследователь оказывается перед искушением, выбирая между новыми теориями и доминирующей практикой.

Эту проигнорированную теоретиками социального конструктивизма сторону в интерпретации этнического феномена отметила и К. Вердери, которая изучала связь между этничностью и нациестроительством на примере близкой нам по опыту социалистической Румынии (*Verdery* 1991). Действительно, Ф. Барт и его коллеги сыграли важную роль в обосновании трактовки этнической идентичности как пластичной материи, как инструмента для организации социальных отношений, а не как “прирожденного патриотического чувства”. Но как только эти идентичности обретают идеологические формы, особенно в ходе нациестроительства, формирования нации-государства, то весь характер изучения и интерпретации этничности меняется. «Строители столь большого сооружения, как *Нация*, ожидают от исследователей более серьезного восприятия их проекта. Появляются гнев и боль в случае, если мы продолжаем рассматривать это сооружение просто как “исходный материал”» (*Verdery* 2019: 41), — пишет К. Вердери. Действительно, как только этничность обретает некое подобие этатистских форм, а тем более когда она трактуется в категории “национальной государственности”, как это было в СССР и отчасти сохраняется поныне в России и в ряде других стран, то подвижность и проницаемость этнических групповых границ превращается в жесткий и труднопреодолимый фрейм. Эта жесткость понуждает носителей уже “этнонационального” к радикальным защитным или агрессивным действиям, вплоть до этнического насилия или самосожжения, как это сделал удмуртский этноактивист А.А. Разин в августе 2019 г. К. Вердери делает важное заключение, актуальное и для российской действительности:

Как межэтнические взаимодействия, так и порождаемые ими теоретические построения происходят в ситуации процессов формирования и сохранения наций-государств, процессов, которые невозможно свести к локальным взаимодействиям через

культурные границы... Изучение этнических групп и границ означает не только изучение ситуационных стратегий, но и формирование этнонациональных идеологий вместе с чувствами и действиями, которые их сопровождают (Там же).

Именно в связи с этой поправкой теории социального конструктивизма и появившейся тогда же концепцией Б. Андерсона о нации как “воображаемом сообществе” мною — с начала директорства в Институте этнографии АН СССР в 1989 г. — были предприняты усилия по критике “теории этноса” и модернизации отечественной этнологии, включая ее наименование, предмет и статус. Позднее родилось и название книги — “Реквием по этносу”, под которым имелась в виду, конечно, теория, а не сама этническая реальность (Тишков 2003а). Здесь нет смысла освещать позднесоветский период в развитии этнографической науки, о нем написано достаточно (Соколовский 2003: 136–159; Тишков 2002: 3–18; 2003б: 3–23; Тишков, Пивнева 2010: 3–21), упомянем лишь еще одну точку отсчета нашего обзора. Тридцать лет назад в журнале “Советская этнография” была опубликована моя статья “О новых подходах в теории и практике межнациональных отношений” (Тишков 1989а), в которой высказывался ряд ревизионистских положений: используемый советской этнографией в отношении населения страны и мира категориальный арсенал неадекватен и политизирован; концепция этноса уязвима и не отражает сложность этнической реальности как в историческом аспекте, так и в современном; понимание “национальной государственности” как формы самоопределения этнонации нереализуемо и конфликтногенно, а для полиэтничного государства такая политика националстроительства представляет серьезный риск. Но самой важной, в плане назревших перемен, для меня тогда была проблема преодоления дисциплинарного кризиса, о чем я писал и в статье “Советская этнография: преодоление кризиса” (Тишков 1992: 5–19; Tishkov 1992: 371–394), и в реплике с более жестким названием “Это больше, чем кризис, это отсутствие самой дисциплины” (Tishkov 1994: 87–92).

Дальнейшее развитие событий и есть предмет этой статьи. Считаю уместным напомнить, что писал С.В. Соколовский о труднопреодолимой предопределенности позиций любого автора, когда речь идет об оценке состояния дисциплины: “И либо время сегодня нервное, либо зола давних схваток пока не остыла, но так получается, что непредвзятые попытки описать ситуацию дисциплины вне ангажированного позиционирования самого автора, это положение представляющего, у нас практически не встречаются” (Соколовский 2014: 144). Подозреваю, что мне также не удастся быть беспристрастным в силу глубокой вовлеченности в дела отечественной этнологии/антропологии.

Новое рождение дисциплины или рождение новой дисциплины?

В конце 1980-х годов мне не хватило кругозора и единомышленников, чтобы вести речь о нашей науке как о социокультурной антропологии, но задача восстановить репрессированную в 1930-х годах отечественную этнологию была сформулирована вполне определенно. Предложенное переименование Института этнографии АН СССР вызвало дискуссии и возражения своего рода традиционалистов (против выступили А.И. Першиц, В.И. Басилов, В.В. Пименов), а В.П. Алексеев предложил ограничиться в новом названии только этнологией. “Антропологию я буду развивать у себя в Институте археологии”, — сказал он мне. «Но я бы скорее оставил в названии слово “антропология”, а не “этнология”», — ответил я. В конечном итоге В.П. Алексеев как член Президиума РАН поддержал новое название — “Институт этнологии и антропологии”, и в 1990 г. Президиум РАН утвердил его. Это был важный шаг в развитии нашей науки в канун рождения новой страны — Российской Федерации.

Именно с этого момента начался трудный этап утверждения нового названия и становления нового понимания дисциплины. О завершении его свидетельствует в том числе и переименование четыре года назад нашей национальной профессиональной организации в “Ассоциацию антропологов и этнологов России”. Напомню, что созданное в 1993 г. сообщество первоначально получило более привычное для тогдашних российских этнографов и физических антропологов название: “Ассоциация этнографов и антропологов России”. И сама ассоциация сегодня — это уже радикально новое сообщество профессионалов. Если первый ее конгресс в Рязани в 1993 г. собрал всего 80 участников (см.: Рис. 1), то на XIII Конгрессе антропологов и этнологов России в Казани в 2019 г. их было уже более тысячи (см.: Рис. 2), ибо к нашему цеху стали зачастую относить себя исследователи и даже любители самого разного толка — от народных целителей до социальных работников. Программы последних конгрессов ассоциации убедительно свидетельствуют о том, что за четверть века произошло становление нашей науки в ее современных предметно-проблемных границах и во многом утвердилась наша общедисциплинарная идентичность именно как антропологов, этнологов. Радикально изменились предмет и интересы, а также методология и язык современной науки. Менее половины докладов, представленных в Казани, условно могут быть отнесены к этнологии, остальные — к разным направлениям социальной, культурной и физической (биологической) антропологии (Мартынова 2019).

Произошли существенные изменения в цеховой основе дисциплины — полевых исследованиях на базе этнографического метода. Нет больше коллективных этнографических экспедиций, которые породили свой профессиональный этос и даже фольклор, не говоря уже о поголовной летней этнографии полевых отрядов. Последними, пожалуй, были групповые выезды сотрудников отдела русского народа, изучавших русских Рязанского края (Иникова 2009). Этнография как таковая осталась, но стала более изошренной, и она не всегда сосредоточена на сборе эмпирических данных или артефактов. В последние годы в институтский архив перестали поступать полевые материалы (прежде всего дневники). Свообразным памятником этому виду этнографических данных явилось опубликованное З.П. Соколовой собрание ее полевых материалов и “докладных записок” (Соколова 2016).

Важным моментом в становлении новой дисциплины стало открытие в ряде вузов России в 2011 г. самостоятельного направления подготовки — “Антропология и этнология” (подробнее см.: Артемова 2019: XXXVI—XLIII). Вслед за РГГУ, где уже 20 лет работает Учебно-научный центр социальной антропологии², 11 высших учебных заведений страны получили лицензию на открытие нового направления. Это Дальневосточный федеральный (Владивосток), Казанский федеральный, Омский, Орловский, Томский, Санкт-Петербургский государственные университеты и др. Образовательные программы по антропологии и этнологии реализуются в этих вузах в рамках специально созданных подразделений или на ранее существовавших кафедрах, в названии которых присутствует “этнология” (или “этнография”). Учебная программа кафедры этнологии МГУ, хотя последняя остается в составе исторического факультета и не имеет аккредитации по нашему направлению, по принятым международным стандартам является антропологической.

На пути утверждения столь нужной для полиэтничной России специальности неожиданно встали проблемы как субъективного плана (классические исторические факультеты не хотят отпускать от себя этнографию/этнологию, считая ее вспомогательной дисциплиной), так и организационно-бюрократического характера (недавняя кампания слияния кафедр, факультетов и даже вузов), делающие создание новых кафедр, а тем более факультетов антропологии и этнологии фактически невозможным. Были упразднены даже существовавшие кафедры этнологии, как, например, в Уральском федеральном университете (Екатеринбург). Конечно,

Рис. 1. Участники I Конгресса этнографов и антропологов России, г. Рязань, 1994 г. (фото из архива ИЭА РАН)

Рис. 2. На заседании XIII Конгресса этнографов и антропологов России, г. Казань, 2019 г. (фото Н.Б. Тохтасинова)

трудно считать завершенным процесс становления дисциплины без утверждения ее в качестве самостоятельной отрасли науки с присуждением ученых степеней кандидата и доктора антропологии, а не исторических или биологических наук, как сегодня. Но это, видимо, задача для следующего поколения антропологов и этнологов.

К институциональным переменам можно отнести появление более десятка новых периодических изданий, а также реновацию старых научных журналов. “Этнографическое обозрение” существенно изменило свой профиль и регулярно обозначает инновационные темы и подходы в области этнологии и социальной/культурной антропологии. Причем неэтническая антропологическая тематика в последние годы доминирует, а этнические сюжеты отличаются неклассическими ракурсами. Напомним некоторые темы номеров журнала после того, как он стал в 2011 г. индексироваться в базе данных Scopus: мультикультурализм в странах Балтии, традиции и традиционность в России, аборигенные культуры на циркумполярном Севере и в Сибири в условиях урбанизации, идентичность и конфликты в ситуациях внутриэтнического взаимодействия, раса и этничность в переписях населения и др. Журнал фактически ушел от монографического рассмотрения этнических групп, обновил язык и формат научного текста, расширил географию авторов, в том числе за счет зарубежных коллег. Хороший международный рейтинг обрел издающийся с 2004 г. в Санкт-Петербурге двуязычный “Антропологический форум”. И хотя его главный редактор предпочитает слову “этнология” не менее достойное слово “этнография”, этнологическая тематика теоретического плана, не говоря уже о таких приоритетных темах, как язык и языковая политика, фольклор и мифология, исследование религии, на его страницах присутствует. Более традиционалистским выглядит профиль молодого журнала “Вестник антропологии”, хотя в нем и делаются (на наш взгляд, не очень удачные) попытки осветить тему “экспериментальной антропологии”.

У нас нет статистики распределения этнологов/антропологов по сферам научных интересов, но С.В. Соколовский на основе количественного анализа тематики публикаций и взаимных цитирований сделал вывод, что сегодня большинство российских антропологов работают в двух слабо связанных между собой проблемных полях. Первое — это исследования национальной политики (включая изучение конфликтов, толерантности, насилия, межэтнических отношений, национализма и нацистроительства, политики идентичности, этнической категоризации, законодательного регулирования национальной политики и т.п.), второе — исследования более привычных для этнографии обычаев, обрядов, мифологии, традиционных представлений, современных и классических жанров фольклора и т.п. Если рассматривать дисциплину как единое эпистемическое сообщество, то, по мнению С.В. Соколовского, “можно постулировать [его] глубокий раскол <...> [и] распадение на по сути две самостоятельные дисциплины — прикладную политическую этнологию, с одной стороны, и этнографическую фольклористику — с другой” (Соколовский 2014: 163–164). С этим выводом сложно спорить, ибо с точки зрения “полей концентрации” и журнальных цитирований, видимо, так оно и есть, но за этими большими полями разбросано много не столь крупных “полянок”, на которых успешно работают наши коллеги.

Однако говорить о полноценной интеграции российской антропологии/этнологии в мировое сообщество, вероятно, преждевременно. После распада СССР в постсоветских государствах этнографы, большинство которых получили образование и ученые степени в Москве и Санкт-Петербурге, создали самостоятельные научные сообщества, установили связи с западными антропологами и поместили исследовательские приоритеты, хотя во многом сохранили примордиалистскую и этнонационалистическую ориентации. А добавившийся мощный крен в сторону постколониалистского дискурса стал существенным препятствием для поддержания некогда тесных научных и личных связей с российскими коллегами. За эти же годы на постсоветском

пространстве выросло поколение исследователей, прошедших школу в западных университетах. К тому же в новых суверенных государствах, за исключением Республики Беларусь и стран Центральной Азии (в последних сказывается глубокая традиция Хорезмской экспедиции, исследовавшей древнейшие культуры и цивилизации региона; см. об этом: *Аржанцева* 2016), более активно стали работать зарубежные антропологи, а российские практически свернули свои проекты. На сегодня, пожалуй, только в балтийских и закавказских государствах можно говорить о присутствии, помимо этнологии, современной социально-культурной антропологии как формы профессиональной идентичности; появляются молодые социально-культурные антропологи и в Казахстане. Естественно, физическая антропология сохраняется повсюду, ее к тому же укрепляют современные био-популяционно-генетические исследования, к которым у всех современных этнонационалистов особый интерес.

Свидетельством изолированности российских антропологов и этнологов можно считать их слабое присутствие на международных научных мероприятиях и в мировой научной периодике. Россия утратила представительство в руководящих органах Международного союза антропологических и этнологических наук, россияне скудно представлены на международных конгрессах. Так, на Интерконгрессе в Познани в августе 2019 г. было менее 20 ученых из России. Ассоциация антропологов и этнологов России на этом последнем форуме предложила провести следующий конгресс в Санкт-Петербурге. Организация международных научных форумов в нашей стране окажет позитивное влияние на состояние дисциплины, как когда-то в 1970–1980-е годы оказалось полезным наше сотрудничество с американскими и европейскими антропологами.

Содержательные трансформации

Что можно сказать о содержательной трансформации нашей дисциплины, которая, на мой взгляд, отставала от институциональных перемен, но все-таки состоялась, хотя и не без рецидивов прошлых подходов и с явными метастазами теории этноса в ряд других гуманитарных (и не только!) наук. Прежде всего, ушла в прошлое “большая теория” — так наз. теория этноса, а вместе с ней и сводимость дисциплины исключительно к изучению этничности (вспомним начало всех начал: “Предмет советской этнографии — изучение этносов”). Российские антропологи вырвались за пределы этничности, открыв для себя такие направления и субдисциплины, как городская, юридическая, медицинская, гендерная антропологии, изучение субкультур и других культурно отличительных сообществ, этнологические исследования и пр.

Начала рушиться еще одна “святыня” — этногенез, но это пока только начало процесса, исход которого неясен: учебник В.П. Алексеева “Этногенез” отсутствует в образовательном мейнстриме, но “Этногенез и биосфера Земли” Л.Н. Гумилева по-прежнему стоит на полках книжных магазинов среди бестселлеров и подарочных изданий, а сам концепт активно используется археологами, физическими антропологами и — еще чаще — авторами паранаучных трудов и националистами разного толка. Кстати, интернет-портал “этногенез.ру”, возглавляемый пассионарным ортодоксом С.В. Дробышевским, пользуется огромной популярностью у российской публики, что напоминает увлечение американцев книгами Карлоса Кастанеды 40 лет тому назад, к великому неудовольствию ученых-профессионалов.

Метод историзма, названный С.А. Токаревым основным для советской этнографии (*Токарев* 1958), сегодня не очень в чести, хотя “этнической историей” вместе с “этногенезом” пестрят все тома серии “Народы и культуры”, и сократить или сузить этногенетические претензии авторов, особенно из числа “аборигенных” этнологов, мне как редактору серии не удалось. Таким образом, историческая этнография (С.В. Лурье и Я.В. Чеснов даже дали ей обновленное название — “историческая

этнология”; см.: *Лурье* 2004; *Чеснов* 1998) сохранилась, хотя уязвимость “истории этносов” (или этнической истории) становилась все более явной. По непонятной иронии, ее рьяными почитателями стали историки-медиевисты, продолжающие протягивать этническую преемственность от глубокой древности до наших дней, рассуждая о “великом переселении народов”, “вымерших этносах”, “этнополитической истории” вместо анализа дрейфа этнонимов и идентичностей. В недавнем учебном издании по истории народов России авторы, В.Я. Петрухин и Д.С. Раевский, с полемическим задором отстаивают этническую основу исторического процесса: “племена” называются “этносами” (на самом деле это чаще всего вассальные, дружиннические или местно-поселенческие образования без артикуляции этногруппового, т.е. культурно отличительного, самосознания):

С древнейших времен каждый человек непременно ощущает себя членом некоей совокупности людей, которые воспринимают друг друга как имеющих общее происхождение и одновременно отличают себя от тех, кто принадлежит к иным подобным совокупностям. Такие совокупности именуется этносами, этническими общностями. Любая этническая общность характеризуется рядом как объективных, так и субъективных признаков, а изучением таких общностей занимается наука этнология (*Петрухин, Раевский* 2018: 12).

Здесь же говорится о биологической преемственности и генетическом родстве в этнических процессах. И этот текст со ссылками на создателей теории этноса и этногенеза Ю.В. Бромлея и В.П. Алексеева издается как учебное пособие в 2018 г.!

Причудливые метафоры теории этноса в другие гуманитарные дисциплины я рассмотрел в недавней статье (*Тишков* 2016б: 5–22), и здесь нет необходимости обращаться к этому сюжету. Однако не все так мрачно, и можно привести замечания еще одного медиевиста – П.С. Стефановича. Он пишет о методологическом повороте в современной медиевистике:

Происходит соответствующее обновление понятийного аппарата: вместо политических структур и классового или сословного самосознания говорят скорее об идентичности и стратегиях идентификации, вместо “племен”, этносов и наций – об этничности, вместо идеологии и общественной мысли – о дискурсе и культурной памяти... Историков должен интересовать не этнос... а этничность – то есть прежде всего дискурсы об этническом, отражающие сознание этнических различий и разграничений (*Стефанович* 2018).

Это – запоздалые прозрения теперь уже не столько этнологов-антропологов, сколько их коллег по историческому цеху и другим гуманитарным дисциплинам, включая философов (см., напр.: *Момджян, Антоновский* 2015).

И все же – рождение новой этнологии или новое рождение этнологии в России? Скорее всего, и то, и другое, но при условии, что не случится “этнореабилитанс”, о котором речь пойдет ниже. *Новое рождение* – потому что в России уже была этнология, которую репрессировали в начале 1930-х годов, упразднив в том числе этнологический факультет МГУ и расстреляв его декана П.Ф. Преображенского (см.: *Соловей* 1998; *Тумаркин* 2002–2003). Сталинские церберы посчитали, что теорией человеческой эволюции занимается исторический материализм, а к “этно” лучше подходит не “логос” (знание), а “графос” (описание). *Рождение новой* – потому что за последние 30 лет не только появилась социально-культурная антропология, но преобразилась и этнология. Пределем новаций позднесоветской этнографии можно считать так наз. этносоциологию (см.: *Губогло* 2005) и некоторые другие субдисциплины с неизменной приставкой “этно”: “этнодемографию”, “этноэкологию”, “этнопедагогика”, “этноархеологию” и т.п. В одном из последних амбициозных проектов советской этнографии – Своде этнографических понятий и терминов (Вып. 2.

“Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы”) – таких “этнокентавров” числилось 17, вплоть до “этнозоологии” и “этноискусствознания” (Крюков, Зельнов 1988).

В постсоветское время сохранилась так наз. *традиционная этнография*, в частности, в форме монографического описания этнических групп (народов). Здесь самым достойным образом выглядит серия “Народы и культуры”, в рамках которой вышло 36 томов с историко-этнографическим описанием более 70 больших и малых этнических сообществ на территории Российской Федерации и других стран бывшего СССР (за исключением латышей, литовцев, эстонцев; этому помешали политико-идеологические факторы, а также фактическое исчезновение в этих странах классической этнографии/этнологии). Сохранившиеся на постсоветском пространстве старые школы этнографии и связи между учеными сделали возможным совместную подготовку этих трудов, несмотря на новые серьезные расхождения в подходах по таким сюжетам, как трактовка имперского периода в истории того или иного народа, оценка советского наследия, некоторые территориально-статусные вопросы. С течением времени эти концептуальные расхождения увеличиваются, и сегодня едва ли было бы возможно выйти на общие тексты в таких томах, как “Грузины” или “Украинцы”. Отличительная черта этой серии в том, что тома готовились главным образом учеными из среды соответствующих народов, а ведущие научные коллективы в лице академических институтов выступали соорганизаторами данных публикаций. Такое было невозможно в прежние времена, ибо в советской “провинции” не было достаточно подготовленных кадров, и московско-ленинградские этнографы безраздельно доминировали в выпуске научной продукции. Так, например, прототип данной серии – 18-томник “Народы мира” – в 1950–1960-е годы был целиком написан авторами из “центрального” института (Кунсткамера тогда была Ленинградским отделением Института этнографии АН СССР).

В последнюю четверть века сотрудничество в рамках проекта “Народы и культуры” было полностью равноправным – без московских предписаний, кроме необходимых профессиональных требований к качеству текстов. Методологически тома выдержаны в русле умеренного примордиализма, а также академического (либерального) этнонационализма, которым во всем мире отличаются как “домашняя” антропология (*home anthropology*, “антропология отечества”), так и “аборигенная” (*native anthropology*, антропология от имени миноритарных групп). Мне, как руководителю серии (ее инициатором был покойный Ю.Б. Симченко, предложивший в свое время написать 100-томную серию о народах СССР), было невозможно реализовать более модернистский вариант текстов, представив, скажем, народы как “социальные конструкторы”, а “нации” как “метафоры” (что было позволительно в собственных публикациях). Однако уже то, что в текстах очень кратко излагаются историко-антропологические данные (к сожалению, в некоторых томах проскочила “этногеномика”), полно даются описания материальной и духовной культуры, а также включены разделы по идентичности и этнополитической ситуации, можно считать существенным достижением. Эти коллективные труды еще долго будут представлять наиболее полный свод историко-этнографических знаний об этнических сообществах на территории бывшего СССР. Надо честно сказать, что Институт этнологии и антропологии РАН получил в результате этого проекта очень престижный дивиденд от результата труда нескольких сотен отечественных и зарубежных ученых, не работающих в его штате. Можно сказать, что в этом сотрудничестве проявилось косвенное признание особой роли (в прошлом, а может быть, и в настоящем) ведущего академического института.

В то же время новое поколение антропологов/этнологов в условиях открывшегося общества взяло на себя инициативу и получило по ряду направлений заметные

результаты, которые, по моему мнению, превосходят достижения позднесоветской этнографии по многим параметрам.

Одно из таких новаторских направлений постсоветской российской этнологии было связано с “взбунтовавшейся этничностью” и тем, что стали именовать *национальными движениями, межнациональными отношениями и конфликтами*. Темы конфликтной этничности (если только это не были зарубежные сюжеты) в повестке советской этнографии не было, ибо, как гласили партийные документы, “в СССР национальный вопрос в том виде, как он достался от царского режима, был решен”. В этой сфере признавались только “неантагонистические противоречия”. М.Н. Губогло инициировал серию публикаций по так наз. гражданским движениям в советских союзных республиках и в республиках РФ, и эта серия вылилась в многотомные публикации документов и исследований по этнонациональным движениям (см., напр.: Губогло 1994). Параллельно с этим и в сотрудничестве с американскими социологами и политологами (Т. Колтоном из Гарварда, Д. Лейтином из Беркли, Д. Хаффом из Дьюкского университета) были выполнены масштабные социологические исследования в российских полиэтничных регионах³.

Мои ранние североамериканские исследования и практический опыт участия в политическом процессе, включая работу в должности министра по делам национальностей, способствовали обращению к этой теме и созданию сетевого сообщества, в которое вошли многие российские обществоведы, не только этнографы, но и социологи, политологи, психологи и которое в 1993 г. было оформлено как “Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов” (*EAWARN* – придуманная мною аббревиатура от *early warning*). Появились даже вузовская дисциплина “этноконфликтология” с наспех сделанными пособиями и ассоциация конфликтологов. Этнополитический конфликт был в реальной повестке постсоветской действительности. Почти все открытые вооруженные столкновения, в том числе сепаратистского и погромного типа, произошли в короткий исторический период и не получили должного экспертного объяснения. Все они имели этническую составляющую и в значительной степени питались советской идеологией “национального (читай – этнического) самоопределения”. В российской Чечне при внешней поддержке международных террористических сил возникла не контролируемая центральным правительством территория вооруженного сепаратизма. Для отечественной этнологии это был очень тревожный и требующий ответа вызов. Не случайно в какой-то момент на позициях советника президента страны по международным отношениям и руководителя федерального ведомства по делам национальностей оказались сотрудники ИЭА РАН. Ученые-этнологи были в центре конфликтных событий в Нагорном Карабахе, Абхазии, Чечне.

Зарубежная экспертиза этнополитических конфликтов заключала в себе двойкие смыслы и оказывала неоднозначное воздействие. Крупные ученые, например Д. Горовиц, М. Олкотт, М. Балзер и Х. Балзер, У. Янг, С. Смуха, Э. Ян, а также конфликтологические и миротворческие организации типа гарвардской группы по урегулированию конфликтов или лондонской “Международной тревоги” стремились понять постсоветскую реальность и оказать содействие в решении конфликтных ситуаций. В 1993 г. небольшая группа экспертов, в числе которых были Д. Горовиц и я, подготовила практико-ориентированный теоретический трактат о природе и разрешении конфликтов. Документ был разработан в местечке Кона на Большом о-ве Гавайских островов и получил название “Меморандум Кона”. Его первые строки ясно формулируют методологическую позицию авторов:

Современные научные данные говорят о том, что этническая (национальная) принадлежность является продуктом политической, культурной, религиозной и языковой истории общества, его традиций, обычаев, а иногда и мифов, а не общего

происхождения. Этническая принадлежность и борьба за национальное самоопределение сыграли в истории двойственную роль: а) ведущего фактора в падении империализма, тоталитаризма и утверждении прав и свобод личности, б) причины разрушительных конфликтов, унесших жизнь миллионов и причинивших огромный ущерб, а также оправдания ущемления прав и свобод личности “во имя нации” и установления деспотических режимов (Kassof, Plaks 1994).

В этих строках отразился умеренный примордиализм Д. Горовица (см.: Horowitz 1985, 2001) и мой как основных авторов текста. С подобных позиций были написаны и две моих книги, изданные в западных издательствах (Tishkov 1997, 2004), а также коллективные труды по тематике национализма и конфликта (Тишков, Шнирельман 2007, 2012). Никаким воинствующим конструктивизмом в этих работах и не пахло, да и ситуация этого не позволяла.

В позитивном ключе могу отметить сотрудничество в рамках Московского центра Карнеги, где несколько лет М. Олкотт координировала вместе со мною регулярные семинары специалистов по теме этноконфликтов и межэтнических отношений⁴. В те же 1990-е годы профессор Джорджаунского университета М. Балзер помогала якутским этнологам с зарубежными стажировками и начала издание журнала “Anthropology and Archeology of Eurasia: A Journal of Translation”, в котором за два десятилетия были опубликованы десятки статей российских этнологов, что безусловно поднимало их квалификацию и престиж. Пишу об этом, чтобы скорректировать несправедливое и конъюнктурное отрицание нынешними пропагандистами полезности тогдашних связей с западной наукой, включая и грантовую поддержку.

Но было воздействие и другого рода. После 1991 г. не все войны холодной войны ушли в отставку и не все избавились от идеологии антисоветизма с сердцевинной русофобией. Сам распад СССР по линиям этнотерриториальных автономий (союзных республик) воспринимался и обосновывался как процесс неизбежного краха империй и как торжество самоопределения наций. “Nations speak out” (Lebov, Crowfoot 1989) – популярная на Западе метафора для определения тогдашнего общественно-политического климата в нашей стране. Часть западных антропологов и политологов с позиций кондового примордиализма приветствовала и оправдывала радикальный этнический национализм и вооруженный сепаратизм в СССР и в новой России, если только он был направлен против *status quo* и центральной власти. Действия вооруженных террористов в Чечне трактовались как восстание “примордиальной нации” и сравнивались с поведением античных героев (“Антеи с гранатометами”; см.: Lieven 1998). Это были нелегкие моменты нашего диалога с зарубежными коллегами, и, возможно, с этого началось взаимное отчуждение, которое продолжается до сих пор. К тому же лагерь отрицателей России и всего, что с ней связано, пополнился “новыми европейцами”, претендующими на роль интерпретаторов российских реалий, включая и гуманитарные штудии россиян. В европейском интеллектуальном сообществе в этой части солируют поляки и прибалты, за ними последовали и украинцы. Восстановление нормального научного взаимодействия и снижение уровня русофобии – одна из задач российских антропологов.

Российские этнологи за последние два десятилетия провели много исследований по этнополитике, в том числе и на регионально-местном уровнях, и написали большое число трудов. Особо можно отметить коллективные издания по итогам этнологического мониторинга EAWARN и аналитических разработок Распределенного научного центра межнациональных отношений и религиозных проблем (см., напр.: Тишков, Степанов 2018а; Степанов, Черных 2018; Мартынова, Степанов 2019). Эта тема стала приоритетной и в российских республиках. По данному направлению иногда получается кооперироваться и с экспертами соседних государств (Полещук, Степанов 2013).

В этом же проблемном поле развернулось изучение классической темы нации и национализма, включая так наз. нациестроительство и разные проявления экстремистской идеологии. Здесь главная задача заключалась в том, чтобы ревизовать старую советскую дефиницию национализма как формы оправдания господства одной нации над другой, т.е. однозначно отрицательного явления, противоположного интернационализму (национализм назывался буржуазным, а интернационализм – социалистическим). Один из этнологических словарей 1990-х годов давал уже более “спокойное” определение, но связывал эту категорию с этничностью: “... национализм – распространенное понятие, обозначающее приверженность людей интересам своей нации (этнуса), ее культурным ценностям и т.п.” (*Арутюнов и др.* 1996: 84). К этому времени уже были переведены на русский язык книги о национализме Э. Геллнера (*Геллнер* 1991) и Э. Хобсбаума (*Хобсбаум* 1995), но перевод книги Б. Андерсона (*Андерсон* 2001) вышел с опозданием в 30 лет! Реабилитация национализма как одной из мощнейших общественных теорий и практик, признание его значения в истории образования современных государств, а также новых государств после распада СССР и Югославии, расшифровка двух его ипостасей – этнической и гражданской, объяснение страновых и региональных вариантов, противоречивых целей и последствий – все это было непростой интеллектуальной задачей, решение которой взяли на себя не историки или политологи, а именно этнологи. Большое количество моих собственных статей (см. напр.: *Тишков* 1990: 83–95; 1995: 3–17; 1996: 30–38; 1998: 3–26) и коллективный труд по теме нации и национализма (*Тишков, Шнирельман* 2007) сыграли свою роль в этих ревизиях, хотя в общественно-политическом дискурсе национализм остается скорее ругательством, чем позитивной оценкой.

Очень важный вклад в критику разных форм и сложных перипетий этнического национализма и радикальных идеологий внес В.А. Шнирельман (*Schnirelman* 2001; *Шнирельман* 2003, 2006, 2011, 2012а, 2012б, 2015), чьи фундаментальные труды вызывали тот самый “гнев и обиду” (вплоть до судебных исков) этнонациональных активистов, о которых писала К. Вердери. Кстати, В.А. Шнирельман вместе со мною попал в список “100 врагов русского народа”, составленный русскими радикальными националистами, а дугинский “Евразийский союз молодежи” устроил пикет у главного здания Российской академии наук, где размещен и наш институт, против В.А. Тишкова как “американского шпиона”, который заслуживает тюремного срока “от 10 до 20” (см.: Рис. 3).

Еще одно важное направление современных этнологических исследований – это изучение феномена *идентичности*, или того, что раньше называлось самосознанием. Этническая идентичность – ее содержание, динамика, соотношение с другими формами идентичности – стала одной из торговых марок нашей дисциплины. Здесь также было заметно влияние мирового исследовательского контекста. С 1990-х годов разными авторами в разных странах было много сделано по теме идентификационных границ. Американский антрополог Э. Коэн показал, что культурные границы, в которых дрейфуют идентичности, носят невыраженный характер – это своего рода “серые зоны” (*Cohen* 1994). Швед У. Ханнерц обратил внимание на феномен креолизации, когда в процессе современной урбанизации и глобальных взаимодействий происходит смешение и замещение культур (*Hannerz* 1992; 1996). Директор Института им. Макса Планка по изучению религиозного и этнического разнообразия С. Вертовек выдвинул концепт сверхразнообразия, обратив внимание на ситуации, когда разнообразие вообще несводимо к групповым идентичностям, ибо невозможно определить даже сами группы (*Vertovec* 2007: 1024–1053). Модными в мировой литературе, особенно при изучении культурных потоков и миграционных воздействий, стали концепты *гибридности*, *бриколажа*, а также *culture-in-between*. Все эти идеи тем или иным образом вошли и в арсенал российских ученых. Существенно помогли

Рис. 3. Пикет “ЕСМ” против В.А. Тишкова у главного здания РАН (фото М.Б. Лейбова)

работы Е.И. Филипповой о французской антропологии и ее переводы французских авторов (Филиппова 2007, 2009, 2010). Примечательными были совместные публикации с белорусскими этнологами по проблемам идентичности и культурных границ (Мартынова 2012), а также с испанскими коллегами (главным образом из Страны Басков; см., напр.: *Martynova et al.* 2015) – по регионально-культурным идентичностям.

Старый концепт “переходных групп” или “маргинальности” (это о тех, кто как бы совершал переход из одного этноса в другой) уже не удовлетворял российских исследователей. Появился интерес к сложным идентичностям и к культурно сложным обществам, когда сложность понимается не как тривиальная многонациональность и не как некая аномалия, а как одна из норм современных человеческих коллективов. В российском общественном сознании происходит трудный поворот и к рассмотрению нации как культурно сложного феномена. Это касается также трактовки российского народа как полиэтничной гражданской нации (Тишков, Филиппова 2016; Тишков 2013). Нынешнее многообразие исследований идентичности в российской этнологии отчасти нашло отражение в 600-страничной публикации материалов научной конференции по этнокультурной идентичности народов Сибири и сопредельных территорий (Фурсова 2019).

Трудные судьбы социального конструктивизма

На смену историзму как научному подходу и историческому материализму как социальной философии с большим трудом на протяжении трех десятилетий пробивал себе дорогу в российском общественном сознании социальный конструктивизм. Долгое время он (вместе с постмодернизмом) воспринимался многими коллегами и этноактивистами как некая болезнь, как западная зараза, противная государственным интересам России (см. статьи С.Е. Рыбакова в “Этнографическом обозрении” в 1990-е годы и его книгу про “философию этноса”; Рыбаков 2001). Как недавно сказал один из

ответственных работников ФАДН (кстати, бывший сотрудник ИЭА РАН): “Тишков и его команда — это конструктивисты, а нам в государственном управлении нужны примордиалисты”. И это говорится после вышедших за последние 20 лет блистательных научных трудов по проблемам этничности, по истории советского проекта конструирования социалистических наций и народностей и “национально-государственного строительства”! Достаточно назвать переведенные на русский язык книги и статьи таких авторов, как Р. Суни, Т. Мартин, Ф. Хирш, Ж. Кадио, Ю. Слэзкин, К. Хэмфри, которые не могли не оказать влияния на понимание истории “национального вопроса” в СССР. О сложных перипетиях расставания с этносом и утверждения конструктивистской парадигмы в России я написал в книге, посвященной 50-летию бартовского сборника “Этнические группы и границы...” (Tishkov 2019).

Однако мало-помалу концепт идентичности и ее сложной подвижной природы вытесняет в российской этнологии этнос и его носителей (“этнофоров”). С 2000-х годов хотя бы на уровне ритуальных ссылок в научных текстах появились понятия “воображаемые сообщества” и “этничность без групп”. Однако сам по себе *группизм*, как его обозначил Р. Брубейкер (Брубейкер 2012), не был преодолен, и он до сих пор процветает, особенно в “региональной” науке и у соседей по бывшему СССР. Кстати, критика теории этноса и движение за пределы узко обозначенного предмета этнографии/этнологии столкнулись с упорным сопротивлением далеко не только среди российских провинциалов. Очень долго на старой позиции, зафиксированной даже в “соросовском” варианте вузовского учебника “Этнология”, стояли ведущие профессора МГУ (В.В. Пименов, Ю.П. Поляков и др.), противостоять которым оказался бессилён даже заведовавший в 2006–2013 гг. кафедрой этнологии просвещенный А.А. Никишенков. В Санкт-Петербурге Л.Р. Павлинская и другие сотрудники Кунсткамеры продолжали воспевать гумилевские *пассионарность* и *суперэтничность* и прочую евразийскую цивилизационную туху, а философ-культуролог И.Л. Набок, пестовавший студентов из числа малочисленных народов Севера, доброе десятилетие собирал в СПбГУ шумные конференции под вызывающим названием “Реальность этноса”. В Новосибирске “этнофилософы” Ю.В. Попков и Е.А. Тюгашев публиковали периодическое издание по этнографии народов Сибири, чей пафос был направлен на защиту теории этноса и осуждение конструктивизма. Особое отторжение у этнофилософов и, конечно, этнонационалистов вызывает концепт гражданской нации, ибо последняя представляется ими не как консолидирующая согражданство форма идентичности, а как некое коллективное тело с набором объективных признаков и культурной гомогенностью. В новейшем новосибирском издании об этнокультурной идентичности мы читаем следующее:

...идея российской нации как законодательной основы государственной национальной политики не может выступать консолидирующим началом для российского общества, концептуальной основой формирования гражданского единства... Следует признать ограниченность конструктивистской позиции в понимании нации, которую отстаивает В.А. Тишков (Попков 2019: 14).

Автор вместе с другими сторонниками трактовки нации исключительно в этническом смысле при этом незатейливо ссылается на Р. Брубейкера и даже на С. Хантингтона — на его работу под вполне ясным названием “Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности”. То есть у гетерогенного и раздираемого этносовыми проблемами американского народа есть национальная идентичность, а у русского народа ее быть не может — у нас только “многонациональность” и “дружба народов”. Вот эта интеллектуальная коллизия спора о том, “что есть нация”, представляется мне главным теоретико-методологическим вызовом для российского обществознания.

Иногда высказывается мнение, будто бы под моим воздействием конструктивизм агрессивно утверждался в нашей науке в течение последней четверти века. Это совсем не так, ибо в ИЭА РАН в условиях академической свободы конструктивистское видение этничности совсем не было доминирующим. В отличие от 1980-х годов, когда почти каждая статья в журнале “Советская этнография” начиналась со ссылки на книги Ю.В. Бромлея, главной особенностью последних трех десятилетий было поощрение и утверждение методологического плюрализма. Эта установка оправдала себя, обернувшись целой библиотекой фундаментальных трудов, и она должна быть сохранена в будущем. Однако есть и “красные линии” в наших научных дебатах, о которых следует упомянуть.

Рецидивы органистического видения этногрупп с некритическими реверансами в адрес “родоначальников этноса” и сторонников фундаментальных групповых различий можно найти и поныне. Даже в среде, казалось бы, вполне просвещенных коллег присутствует если не ностальгия по прошлой “большой теории”, то, по крайней мере, желание вывести ее из-под критики. Так, Д.В. Арзютов и С.С. Алымов вместе с Д. Андерсоном и другими соавторами внешне бесстрастно изложили в недавно вышедшей книге суть идеи и теории этноса (*ethnos thinking* и *ethnos theory*), обнаружив “подлинные корни” этой идеи и теории еще во второй половине XIX—начале XX в. в работах таких поборников малороссийской (украинской) этноотличительности, как Н.М. Могиланский и Ф.К. Волков (первый написал всего пару слабых статей, второй и вовсе занимался только этнической картографией). Задачу своей книги авторы видят в том, чтобы “попытаться показать на основе архивных источников и этнографических примеров, как соединяются в рамках теории этноса физиологические и символические аргументы” в надежде «установить “основание” теории этноса, излагая долгую и подробную историю социальных условий, которые обусловили рождение и рост этой идеи» (*Anderson et al.* 2019: 3–4). Мне представляется, что связывать появление концепта “этнос” с социально-политической историей Российской империи, а также подключать к аргументации китайско-маньчжурские сюжеты не очень верно. Да и фундаментальность самой теории авторами преувеличивается. На самом деле этнический вариант национализма и “народоведческие” разработки имели более глубокие корни, особенно в Восточной Европе, а Н.М. Могиланский с Ф.К. Волковым здесь случайные фигуры. Этнонационализм заявил о себе и в эпоху Синьхайской революции, на знамени которой были изображены шесть звезд — символы основных этнических культур (общностей), но к теории этноса и к деяниям ее сторонников из круга С.М. Широкогорова это не имело отношения. В “Вестнике антропологии” уже был опубликован критический отклик (*Кузнецов* 2017: 107–118) о напрасном приписывании С.М. Широкоговору активной политической роли в революционных событиях на Дальнем Востоке в начале XX в., а тем более — в период эмиграции в Китае.

В принципе, попытки реабилитировать этнос — этим словом теперь в России стал пользоваться даже президент страны — можно было бы считать невинным занятием, если бы не некоторые “но”: нет ли в этом риска встраивания этнологической мысли в общий консервативный поворот с его одержимостью поисками нормы в прошлом и с отказом от инновационных ответов на сегодняшние вызовы? нет ли в этом риска сохранения первичности культурных норм (напр., “духовно-нравственного наследия народов России”) в ущерб принципам культурной свободы и культурной сложности? Последнее (феномен культурной сложности) вообще за пределами “этномышления”, ибо это мышление замешано на типах и нормах в их чистом виде: ведь в теории этноса нет места русскому еврею или татаро-башкиру, а если и есть, то в качестве “переходного” состояния и антинормы.

Коллизии в мировой антропологии и Россия

Чем заняться антропологам и этнологам во второй четверти XXI в. и от кого можно ожидать запроса на результат этих занятий? На эти вопросы следует отвечать с двух позиций: а) эволюции и перспектив мирового антропологического знания, частью которого является российская наука; б) ситуации в российском обществе и ее динамики, включая верхушечные и низовые воздействия, которые испытывают ученые в собственной стране.

Каким содержанием было наполнено последнее 30-летие зарубежной антропологии? Ее траектории развития были существенно отличными от российских, несмотря на, казалось бы, открытие границ и свободные контакты с конца 1980-х годов. Вот как описывает этот период Д. Комарофф в статье “Снова конец антропологии: о будущем дисциплины”:

1960-е и 1970-е годы ознаменовали собой конец гегемонии британского структурного функционализма и американской парадигмы “культура и личность” — этих двух ортодоксий антропологии XX в. Оба подхода разложились в результате кумулятивного бунта колониальной и постколониальной литературной теории, ранней феминистской антропологии, антропологической герменевтики, разных видов марксизма, деконструкции Дерриды и постструктурализма Фуко (*Comaroff* 2011: 82).

Из всех воздействий колониальная критика была наиболее разрушительной для старых теорий, ибо она исходила из того, что вся конструкция антропологического знания с его приверженностью закрытым системам, гомеостатическим моделям, с его трактовкой социального по аналогии с биологическим, с его упором на репродуктивные процессы, а не на диалектику с ее врожденным идеализмом, была изначально порочной. Что касается США, считает Д. Комарофф, то здесь:

...ситуация усугублялась антиисторической и аполитичной концепцией культуры, которая коррелировала с расиализацией различий, не говоря уже о конструировании радикальных “других” — этого темного пятна нашей дисциплины... Все это зывало к новому типу антропологических практик, к другому типу метанарратива на смену либеральному идеализму, в котором увязла антропология (*Ibid.*: 83).

Д. Комарофф считает, что тогда в мировой антропологии сформировался запрос на критическую теорию, на контекстуальность: меньше герменевтики и больше материалистического, меньше описания и больше объяснения. Однако дебаты о кризисе дисциплины дали толчок самым разным рефлексиям, в том числе и таким, которые были связаны именно с подъемом неолиберализма на рубеже двух веков. Это началось со знаменитой книги “Writing Culture” (*Clifford, Marcus* 1986)⁵, которая породила установки против метанарративов, против авторского авторитета и в конечном итоге против объяснения. Критика “этнографического реализма” Д. Маркусом, Д. Клиффордом и другими авторами, участвовавшими в написании данной книги, вызвала к жизни запрос на “экспериментальные формы репрезентации” без большой теории. Постмодернизм и деконструктивизм заменили прошлые схемы. Это научное увлечение (которое стало часто называться “writing culture movement”) длилось около двух десятилетий и оказало противоречивое воздействие на мировую антропологию. Критика профессии изнутри и отторжение принципа реализма парализовали производство первичного антропологического знания. К.-Х. Коль во введении в книгу “Конец антропологии?” написал: “Этнографы стали настолько стесняться своих собственных скрытых предрассудков, что для них, как кажется, уже нет задачи сложнее, чем написать простое предложение этнографического текста” (*Kohl* 2011: 5). Д. Комарофф указал на характерные черты антропологии, которая стала исходить из гирцевского подхода к интерпретации “культуры как текста”

(о нем см.: *Гурц* 2004; *Geertz* 1973). Прежде всего, это утрата дисциплиной своего бренда: этнографического метода с его корневой основой – концепцией культуры, а также заключенного в нем пространственного поля и сравнительного анализа разных сообществ. Утрата бренда была связана и с разрушением теоретического арсенала. Представители многих дисциплин (социологи, политологи, социальные психологи, экономисты и др.) проявили интерес к использованию методов культурной антропологии, стали заявлять, что они тоже “делают этнографию”, выполняют полевые исследования. Началось размывание концепта культуры, который стал обретать всепоглощающий характер. Наметилось стремление переориентировать культурную антропологию с решения как бы устаревших колониальных задач на новые, связанные с бизнесом и управлением вообще. Отдельными исследовательскими доменами стали корпоративные культуры, субкультуры, культуры спорта, медиа, коммуникаций и т.д. Гуманитарии обозначили также поле *национальной культуры* как культуры государственно-политических сообществ в противовес привычной для антропологов культуре партикулярных (этно)сообществ. В самые последние годы появился концепт культурной сложности и сверхразнообразия.

В какой степени все это коснулось российской антропологии/этнологии? Думаю, что в самой малой, ибо перевод книги К. Гирца “Интерпретация культур” появился в России лишь спустя 30 лет, а книга “Writing Culture” вообще не была переведена на русский язык. Только некоторые авторы обсуждали и использовали эти концепции на уровне журнальных статей в “Антропологическом форуме” и “Этнографическом обозрении”. Что касается культурного многообразия России, то здесь сохранялся традиционный взгляд, а наиболее дебатлируемыми проблемами были адекватная фиксация этнической принадлежности в ходе переписей населения и более нюансированное представление этнокультурной мозаики населения страны (*Тишков* 2011; *Тишков, Степанов* 2018б).

В мировой антропологии на рубеже веков обозначился еще один вызов. Это попытка узурпации права на интерпретацию культуры аборигенными сообществами – якобы носителями неких архетипов, исключительными “собственниками” индигенных культурных брендов, обладателями свидетельств-патентов на статус “живого культурного наследия”. Дело в том, что, почувствовав финансово-политическую перспективность темы, немалое количество ученых в мире (Россия – не исключение) стали азартно трудиться над “правовой” и “моральной” концепцией индигенности. “Индигенность” стала не менее влиятельным концептом, чем “меньшинства” или “этнос”, если вести речь о пространстве бывшего СССР. Индигенности придается универсальный статус на уровне ООН и других международных организаций. Претензии на уникальность и самость и на этой основе требования от государства соответствующих компенсаций, выдвигаемые самими “аборигенами”, это мелочь по сравнению с лавиной исследований, публикаций, правительственных и межправительственных решений, конструирующих индигенность, а иногда даже индигенный расизм. Несмотря на большую и славную традицию изучения аборигенных народов Севера, для российской этнологии/антропологии концепт индигенности/аборигенности, понимаемый зачастую как предоставление больших прав “коренным” в сравнении с “некоренными”, – это новая тема родившейся “юридической антропологии” (см.: *Новикова* 2008, 2014; *Новикова, Функ* 2012; *Тишков* 2016а) и новый серьезный общественно-политический вызов.

Что на горизонте?

Нынешний кризис в антропологии (точнее – разговоры о кризисе) мало связан с самим предметом изучения – культурно отличительными явлениями и сообществами с их вполне успешными вариантами соединения традиции и модернизации,

которые в классической антропологии зачастую воспринимались как антиподы. Кризис коренится внутри дисциплины. Вот что пишет К.-Х. Коль во введении к ниге о будущем антропологии:

Вслед за так называемыми дебатами *writing culture* привычные подходы и формы репрезентации антропологов подверглись резкой критике, которая потрясла сами основы нашей области знания. То, что мы обозначали и изучали как “другое”, сегодня стало рассматриваться как утрата дисциплиной своего достоинства, как великое грехопадение дисциплины... Своей критикой авторитарных стилей предшественников сегодняшние антропологи также подорвали и свой собственный авторитет (Kohl 2011: 4),

Добавим также, что постколониалистский дискурс еще больше способствовал подрыву классической антропологии.

Еще одно заключительное рассуждение. Б. Малиновский однажды заметил, что, когда он пришел в антропологию, основное внимание уделялось различиям между людьми, а изучением базовой схожести ученые пренебрегали. Мною также неоднократно высказывались сомнения в отношении одержимости этнологов установлением культурных различий в ущерб поиску и анализу схожести. В нашей науке важны сравнения, но они должны фокусироваться на сходствах, а не на противопоставлениях. Обозревая обычные людские сообщества в театральных залах или на спортивных аренах, профессиональные коллективы или уличные собрания, я убеждаюсь, что все они — части одного российского народа, и они имеют на порядок больше общего, чем различий. Этнос российских антропологов (именно тут место этому греческому слову, обозначающему любые живые и мертвые сообщества!) не составляет здесь исключения. Вот только его предшественники предпочитают видеть и классифицировать соотечественников во множественном числе — как “народы России”, говорить больше о “дружбе народов”, а не о “дружном народе”. В переносе внимания с множественного числа на единственное (без отрицания сложности) А. Купер справедливо видит перспективу для будущей антропологии:

Этнографам следует вовлечь этноцентрично настроенных гуманитариев в обсуждение не столь знакомых для них социальных процессов и взглядов на мир, которые могут стать доступными для изучения. По мере того, как мы лучше узнаем других именно как людей со схожими способностями, создающими вполне сравнимые общества с общими для них проблемами, мы можем через это также больше узнать и о самих себе (Kuper 2011: 75).

Эта установка на сравнительные объяснения на основе все того же “включенного наблюдения” представляется не менее перспективной, чем так наз. полилокальная этнография (*multi-sited ethnography*), которая, по мнению некоторых коллег, лучше подходит для анализа нынешней мир-системной реальности, глобального рынка, государства и медиа. Напомню, что полилокальная этнография, как она понималась Д. Маркусом еще в 1990-е годы, — это междисциплинарный подход, включающий медиаштудии, изучение технологий, использование естественных наук, культурологические подходы и т.п. Но при всей симпатии к свободному выбору этнографических мест (*sites*) следует избегать угрозы размывания дисциплинарного профиля и снижения профессионализма. По моему убеждению, междисциплинарность возможна только при сильной дисциплинарности, иначе на выходе мы получим внидисциплинарность, которая уже лезет из щелей дома гуманитарного знания в России.

Если брать современную российскую этнологию/антропологию в целом, то мой общий диагноз будет более позитивным, чем выводы С.В. Соколовского об “иллюзии благополучия” (Соколовский 2009: 45–64; 2011: 70–89), хотя многое в его критических замечаниях вполне обоснованно. Невозможно согласиться с его выводом

о распаде научного сообщества на две самостоятельные дисциплины: прикладную политическую этнологию и этнографическую фольклористику, с собственными исследовательскими сетями, журналами и центрами. Оба эти проекта, с его точки зрения, несовременны и ведут в теоретический тупик, уводя антропологию из мира актуальных человеческих практик в интеллектуально спонсируемые ими миры практик “архаического модерна”, “войти с которыми в постсовременную экономику знаний оказывается задачей неразрешимой”.

[Первый] по своей сути и истории своего развития – это имперский проект, восходящий идеологически к проекту создания советского народа или, в современной терминологии, российской нации. Обозначение этого проекта как имперского не подразумевает в данном случае критики, но лишь подчеркивает его универсалистское и антикоммунитаристское содержание. Второй проект, помещая в фокус своих интересов культуру (а точнее – культуры с их особенными ритуалами, обычаями, символами, фольклором), в политическом отношении остается важнейшим ресурсом для местных национализмов и исторически уходит корнями в романтический национализм XIX в. (в российском случае – в идеологию народничества) (*Соколовский* 2014: 179).

Автор считает, что близость к идеологиям империи- или нацистроительства наносит и эпистемологический урон нашей по преимуществу дескриптивной дисциплине, поскольку размывает самый ее фундамент, высокой ценностью в котором наделяются именно факты. «Неизбежное при такой близости идеологическое давление вовлекает дисциплинарную фактографию в калейдоскоп политически ангажированных интерпретаций, где факты превращаются в “факты” или в “так называемые факты”, а сам статус факта подвергается девальвации» (Там же: 180).

Скажем прямо, это больше, чем вывод, это – приговор, который, однако, мне хотелось бы обжаловать. Во-первых, исследования конфликтов и толерантности, межэтнических отношений и способов их регулирования, нацистроительства и локальных национализмов, роли власти в устройении культурно сложных обществ всегда были в центре внимания социально-культурной антропологии и этнологии. Много лет действуют профильные комиссии при Международном союзе антропологических и этнологических наук, во всех крупных научных центрах и университетах есть исследовательские и образовательные программы по всем этим темам. В России эта научная тематика была освоена и развивается также и под воздействием общественного запроса, о чем нет необходимости напоминать. Если бы это было тупиковое научное занятие, то тогда бы едва ли две мои монографии о национализме и конфликтах были переведены и изданы в престижных западных издательствах, а три – в Китае. Переведены и пользуются спросом в западных странах и в Японии отличающиеся потрясающей воображение достоверной фактологичностью книги В.А. Шнирельмана по проблемам толерантности и локальных конфликтов.

Во-вторых, нацистроительство в форме полиэтничной гражданской нации не является имперским проектом, а, наоборот, противостоит ему. Но даже и имперский проект никогда бы не смог состояться без участия и содействия этнологов/антропологов. Научные карьеры таких корифеев мировой антропологии, как Б. Малиновский, Ф. Боас, М. Мид и др., включая россиян Н.Н. Миклухо-Маклая, А.Е. Снесарева, Ч.Ч. Валиханова, были самым прямым образом связаны с империостроительством в их собственных отечествах. Никакого особого эпистемологического урона научным занятиям антропологов прошлых поколений это не нанесло. Не было нанесено такого урона и советской этнографии, составлявшей эмпирически выверенные этнографические карты и разрабатывавшей основы категоризации населения для всеобщих переписей или культурно-образовательной политики. Не думаю, что современная этнология (в том числе прикладная и неотложная,

Рис. 4. В.В. Путин в Президиуме РАН после встречи с группой этнологов в феврале 2000 г. (фото пресс-службы Президиума РАН)

которые также родились в России в последние два десятилетия) носит ущербный характер из-за сотрудничества с властью или с институтами гражданского общества.

Мне трудно понять, что такое “постсовременная экономика знаний”, в которой, по словам С.В. Соколовского, может не оказаться места сегодняшней российской этнологии с ее “устаревшим теоретическим багажом”; но с тем, что этот багаж требует постоянного обновления, можно согласиться.

По крайней мере, когда российская власть обращалась за советом к этнологам, она получала полезные советы по сохранению и защите этнокультурного многообразия русского народа, разрешению этнополитических конфликтов (Рис. 4).

Примечания

¹ Ю.В. Бромлей был болен и не смог поехать, поручив мне зачитать его доклад, кстати, в очень плохом английском переводе.

² С большим опозданием сотрудники центра подготовили первый в России вузовский учебник по данному направлению: *Тишков, Артемова* 2018.

³ Параметры и итоги совместных проектов см.: *Губогло* 2000, 2003.

⁴ У нас с М. Олкотт даже вышла совместная работа под очень характерным с точки зрения теории и языка нашей науки названием: *Olcott, Tishkov* 1999.

⁵ Не передающаяся одной фразой игра слов в названии (“Записывая культуру” / “Пишущая культура”).

КОММЕНТАРИИ

© О.Ю. Артемова

НЕМНОГО АКАДЕМИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

Прежде чем писать этот отклик, я еще раз перечитала статью В.А. Тишкова и, поразившись тому, как много информации и крупных обобщений ему удалось вместить в ограниченный объем журнальной публикации, пожалела, что согласилась вступить в эту дискуссию. Мне не под силу взять столь же мощный, выражаясь фигурально, разбег. Но есть в тексте В.А. Тишкова фрагменты латентно или — быть может, вернее сказать — смягченно полемического характера, которые меня задели за живое и побудили высказать некоторые соображения, приходившие в голову и раньше, причем не раз. Они связаны с цитируемыми В.А. Тишковым публикациями С.В. Соколовского (*Соколовский* 2003, 2009, 2011, 2014). Их я тоже перечитала, добавив и более поздние (*Соколовский* 2015, 2016, 2017). В них говорится о современном состоянии нашей науки. Главной мне показалась статья 2014 г., в которой содержится — поразивший меня не менее, чем текст В.А. Тишкова (по размаху и объему вложенного труда) — наукометрический анализ публикационной активности российских коллег. Он, конечно, чрезвычайно скрупулезен, изощрен и во многом информативен, причем порой парадоксально информативен.

Скажем, нельзя было не удивиться тому, как много цитирований получают некоторые заведомо слабые или просто непрофессионально написанные работы. Но не о них речь¹. А речь о том, что за этим мощным предприятием, сопряженным со сложным сбором данных и их осмыслением, а также переформатированием (результаты чего отражены в не менее сложных таблицах и условных “картах”), следуют обобщения, которые представляются вытекающими не из наукометрии, а из многолетнего исследовательского, читательского, публикационного и редакторского опыта автора и которые носят не “измерительный”, если так можно выразиться, а концептуальный или, наверное, правильное будет сказать, идейный характер. Забегая вперед, скажу, что об этом говорит среди прочего убежденность С.В. Соколовского в том, что изыскания в одной из двух выделенных им сфер нашей науки — в сфере, которую я для простоты именовала бы *российским вариантом политической антропологии* — идеологически ангажированы и имеют “имперский” посыл с той, правда, оговоркой, что слово “имперский” не предполагает критики, а лишь подчеркивает “универсалистское и антикоммунитаристское содержание” (*Соколовский* 2014: 179).

Ольга Юрьевна Артемова | <http://orcid.org/0000-0003-0937-6920> | artemova.olga@list.ru | д. и. н., профессор, главный научный сотрудник | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия) | заместитель директора Учебно-научного центра социальной антропологии | Российский государственный гуманитарный университет (ул. Миусская площадь 6, Москва, 125993, Россия)

Материал публикуется в соответствии с планом НИР ИЭА РАН

Этнографическое обозрение. 2020. № 2. С. 93–101. <https://doi.org/10.31857/S086954150009606-6>

© Российская академия наук | © Институт этнологии и антропологии РАН
ISSN 0869-5415 | Индекс 70845 | <http://journal.iea.ras.ru>

Ни идеологических, ни иных содержательных свойств научных публикаций по наукометрическим показателям не выведешь.

Не школы, а славные имена определяют лицо науки

Несколько важных заключений С.В. Соколовского приведены В.А. Тишковым в обсуждаемой статье, и именно на них и именно в связи с некоторыми возражениями В.А. Тишкова хотелось бы отреагировать и мне. Буду цитировать по первоисточнику, поэтому взятый мною ракурс обсуждения может оказаться несколько иным, чем у В.А. Тишкова.

Так, в статье С.В. Соколовского (2014 г.) читаем:

Устаревший теоретический багаж сегодняшней российской этнографии (достижений действительно мирового уровня пока, увы, нет) предоставляет молодому поколению необычайную свободу выбора, ибо выбирать придется из совершенно для нашей дисциплины нового и ею неосвоенного. Обратится это поколение к концепциям Б. Латура, Д. Миллера, М. де Серто, Ф. Десколя и Э. Вивейроса де Кастро или же создаст новые собственные – покажет время (*Соколовский* 2014: 181).

Возникает множество вопросов, перечислять их было бы скучно. Все они проистекают из совершенно не разделяемого мной подхода С.В. Соколовского, в соответствии с которым современная российская, да и прошлая этнология (этнография, социальная/культурная антропология) может быть оценена в целом, скопом, как если бы это был завод или фабрика, продукция которой характеризуется по валу, прибыли и качественным показателям – функциональности, долговечности изделий и т.п. Признаю, С.В. Соколовский много пишет об отсутствии надежных критериев для подобных обобщенных оценок, но все равно их дает – и не в одной только процитированной работе.

Главное мое возражение состоит в том, что наука творится яркими индивидуальностями (хотя они и объединены в коллективы), которые должны обладать некоторыми обязательными свойствами: хорошим профессиональным образованием, талантом, честностью, трудолюбием, трудоспособностью и любовью к своему делу, сильно превосходящей любовь к самому себе. Такие люди, конечно, взаимодействуют, обогащают, поддерживают и учат друг друга, создают благоприятную среду для творчества, объединяют усилия для совместных трудов и т.п.

Разумеется, то, каких успехов достигнет наука в целом и каким багажом пополнится, определяется в немалой мере и тем, в каких условиях работают люди, обладающие всеми названными чертами. По этому критерию мы, конечно, уступаем не только ведущим западным странам, но и Польше, Чехии, Индии, Аргентине и многим другим, не самым процветающим. Мы, российские ученые, это терпим, с этим смиряемся. Мы много жалуемся, преимущественно в разговорах между собой, но мало делаем, чтобы это преодолеть, во всяком случае рядовые научные работники гораздо меньше протестуют и пытаются что-то изменить, чем те, кто волею судеб выполняет функции руководителей академических и иных научных структур. Это, видимо, отечественная особенность.

Однако мощные дарования реализуются и в чрезвычайно неблагоприятных условиях. Как можем мы сопоставить научные сообщества по числу дарований и весу личного вклада каждого из них? Мне кажется, что никак.

Что есть достижения мирового уровня в гуманитарном знании в целом и в этнологическом или социоантропологическом в частности? На поверку выходит лишь одно – известность и число последователей (ср.: *Соколовский* 2014: 180, примечание), а также не слишком критичных подражателей. Очень шаткие основания. Не этот ли путь вел отечественную этнографию от европейского и американского

эволюционизма к французскому структурализму? Не этим ли путем предлагается нам пойти, освоив концепции Каллона—Латура—Ло, выдвинутые уже 30 или более лет назад? (Соколовский 2016: 27) (Не близнецы ли они, не родственники ли? Иначе почему их фамилии выступают в такой тесной связке?) А между тем, в самый разгар моды на эволюционизм у нас были убежденные антиэволюционисты, на десятки лет опередившие свое время. На пике увлечения поисками бинарных оппозиций некоторые наши исследователи писали книги так, будто никакого французского структурализма не существовало — эти книги мы ценим до сих пор. Выиграла или проиграла наша наука от погони за бинарными оппозициями в 1970-е годы? Мне кажется, что проиграла. Ведь среди увлеченных этой игрой были одаренные молодые люди, способные работать самостоятельно и — в лучшем случае — упустившие время.

Один из релевантных примеров можно связать с отмеченным В.А. Тишковым изучением феномена идентичности, опять же пришедшим к нам с Запада и ставшим, во многом благодаря публикациям самого В.А. Тишкова, “одной из торговых марок нашей дисциплины”. Конечно, это было для нас ценным начинанием, но приобретаю чуть ли не массовый характер, не превратилось ли оно в прибежище для всех тех, кто не умеет ни ставить, ни решать научные задачи самостоятельно или просто заблудился в лабиринтах выигрышных трендов? Вот где, мне кажется, одна их главных бед нашего научного сообщества, но, безусловно, не только нашего.

На мой взгляд, чтобы это не повторялось, лучше будет, если новые поколения наших коллег не примутся целыми когортами следовать уже почти вышедшим из моды на Западе трендам, в которых главное, как обнаруживается по здравому размышлению, заключается не в добывании новой информации и даже не в ее осмыслении, коль скоро она все же добыта, и даже не в переосмыслении уже имевшегося ранее знания, а в квазифилософском поиске броских литературных приемов, призванных “емко схватывать” и “передавать” онтологическую “суть” “экзистенциальной субстанциональности” социальной жизни, находить новую и “максимально точную” “оптику”, а также “тропы объективации и реификации” и т.п. На “онтологический поворот к материальному”, к изучению “вещей и вещиности” как акторов социального взаимодействия тоже, по-моему, не следует возлагать серьезные надежды. Вполне достаточно знакомиться со всем этим в историографическом контексте образовательного процесса, ведь подражание есть подражание, а несамостоятельность есть несамостоятельность.

Мейнстримы растянутых во времени идейных исканий во многих сферах гуманитарной мысли, в том числе в социальной антропологии и этнологии, подобны крутым зигзагам. Но не все вливаются в мейнстримы. Некоторые тихо и упорно продолжают делать свое дело в любые времена и медленно, но неуклонно продвигаются в намеченном для себя направлении, что порой и обнаруживается при очередном зигзаге.

Так, в последние два десятилетия западная теоретическая (социоантропологическая) мысль, на долгие годы погружавшаяся в постмодернизм с его неприятием любых социоэволюционных штудий и даже избеганием самого термина “социальная эволюция” (см., напр.: *Bondarenko et al.* 2011: 3), вернулась в русло этой проблематики. Участие в ряде недавних международных мероприятий и чтение новых публикаций показывает, что немало социальных или культурных антропологов как будто разучились за время постмодернизма работать в этом русле и потому оказались отброшенными к классическому эволюционизму (см. напр.: *Boehm* 2012; *Boehm, Flack* 2010; *Flannery, Marcus* 2012; *Hayden* 2014; и др.). Но те, кто следовал своей колеи, ушли далеко вперед (напр.: *Kelly* 2013; *Finlayson, Warren* 2017; *Widlok* 2016, 2019). Среди них есть и наши соотечественники. Им, конечно, приходится гораздо трудней, чем западным коллегам, потому что осложнен доступ к новым публикациям и годами не находится денег на экспедиции, туда, где можно собрать релевантный

материал, потому что не оплачиваются или недостаточно часто оплачиваются поездки на конференции, потому что трудно изыскать средства на организацию мероприятий в своей стране и т.п. Но как-то они все же справляются. Такие исследователи, как Д.М. Бондаренко, В.В. Бочаров, М.Л. Бутовская, А.А. Казанков, А.В. Коротчаев, Н.Н. Крадин, В.А. Попов и другие, работают в сотрудничестве с ведущими зарубежными коллегами. Их публикации увидели свет в ряде сборников и коллективных монографий на русском и английском языках. С 2002 г. в Москве издается англоязычный журнал “Социальная эволюция и история” (*Social Evolution and History*), в котором наряду с нашими авторами публикуются Х.Д.М. Классен, Р.Л. Карнейро, Б. Фитцхью, В. де Мунк, П.К. Уасон и другие.

Однако мне, как и ряду моих коллег, все же не хватает — именно на отечественной почве — теоретических работ и дискуссий фундаментального свойства, связанных в первую очередь с проблемами социальной эволюции, но изменить ситуацию нам не под силу. Научное сообщество, как и общество в целом, самоорганизуется по своей логике, не подвластной нашим желаниям, даже когда у нас имеется хоть и малый, но все же административный ресурс. Вот уже более 20 лет мы преподаем в Центре социальной антропологии РГГУ, и, казалось бы, могли вырастить новое поколение исследователей, разделяющих наши интересы. Но мы не можем. Наши ученики, в том числе и самые способные и самостоятельно мыслящие, хотят заниматься почти исключительно проблемами, сопряженными с текущей жизнью, в которой они участвуют, — в основном прикладного характера, — всерьез надеясь “сделать действительность лучше”, “принести реальную пользу”. Иными словами, выпускники, желающие целеустремленно работать по специальности, имеющие к тому данные, не озабоченные или не слишком озабоченные “карьерным ростом” и не стремящиеся уехать за рубеж, вполне добровольно и даже вопреки тому, к чему их мягко, но все же пытаются подтолкнуть некоторые преподаватели, вливаются в деятельность злостного и практически значимого свойства. Многие из того, что происходит у них на глазах в столице, им не нравится, они ездят на практику в провинциальные города и села и, приходя в еще большее недоумение, не хотят оставаться в стороне. Это свидетельствует в их пользу.

Раскол и теоретический тупик?

Сказанное выше плавно подвело меня к тому, что С.В. Соколовский считает глубоким расколом в тематике отечественных этнологических или социантропологических штудий — расколом, ведущим в теоретический тупик (Соколовский 2014: 164, 179).

Направление, именуемое мной условно российской политической антропологией (его содержание суммировано С.В. Соколовским в упомянутых публикациях и гораздо более емко — В.А. Тишковым в обсуждаемой статье), пока еще является весьма молодым. Ему нет и 30 лет. Оно зарождалось в период, когда наша многонациональная и мультикультурная страна переживала глубочайшие потрясения. Понятно, что головное этнологическое/антропологическое научное учреждение не могло оставаться в стороне от драматических событий в своем отечестве, и понятно, что только что пришедший на пост директора этого учреждения ученый не мог не инициировать, не возглавить и не вдохновить работу, смысл которой состоял в попытках профессионально разобраться в кризисных явлениях и процессах, наметить взвешенные, потенциально перспективные решения сложных коллизий и попытаться убедить власти прислушаться к экспертным мнениям и предположениям. Сегодня мне представляется, что иначе и нельзя было тогда действовать, и только сравнительно недавно я стала приходить к пониманию того, сколько отваги и доброй воли нужно было иметь, чтобы взяться за такое дело, на какие риски пришлось идти и какое интеллектуальное и эмоциональное напряжение испытать.

А тогда многие мои коллеги и я в их числе, привыкши работать в иных жанрах, отнеслись очень осторожно и в основном критически к названному начинанию. Мои сомнения не были связаны ни с личными идеологическими установками, ни с научным ригоризмом, которому свойственно стремление дистанцироваться от политики (в этом я тогда, как и теперь, была скорее солидарна с директором нашего института и его соратниками, чем с его противниками), но были эти сомнения связаны с убежденностью в отсутствии у нового направления сколько-нибудь солидного методического и методологического фундаментов. Оно представлялось какой-то непаханой и неподъемной целиной. К тому же слишком зыбкими, неопределенными казались (а порой и сегодня еще кажутся) — в лоне этого направления — грани между научным, подлинно этнологическим/социоантропологическим анализом и какими-то “подозрительными”, может, даже не слишком глубокими выходами на социологию: между собственно наукой и чем-то вроде публицистики или даже журналистики.

Однако время показало, что методология и методики разрабатывались по мере сбора и осмысления материала и на сегодняшний день сделано несравненно больше, чем можно было ожидать 20 с лишним лет назад. Среди самого главного из сделанного — то, что власти иногда стали слышать этнологов и порой проявлять готовность вести диалог, организовывать совместные советы и иные консультативные институции, в редких случаях — даже принимать решения, о необходимости которых говорят этнологи. Таково, среди ряда других, упомянутое В.А. Тишковым решение о создании отдельного направления “Антропология и этнология” в номенклатуре направлений высшего образования. Ничего подобного в нашей стране раньше не было.

У обсуждаемого научного тренда, помимо прикладного значения для страны в целом, есть еще и практическая значимость для всех нас, какой бы этнологической/социоантропологической проблематикой мы не занимались, т.е. для нашего российского этнологического сообщества. Такая деятельность — это мощный аргумент в глазах тех, от кого мы все, увы, зависим — чиновников разных рангов, распоряжающихся наукой. Не будь этой деятельности, положение было бы куда хуже, чем теперь. И если эту эстафету всерьез и с искренней и доброй волей не подхватят следующие поколения (на сегодняшний день у В.А. Тишкова не так много соратников, на которых можно было бы стопроцентно положиться), то все мы, в том числе и “этнографические фольклористы” или “фольклористические этнографы”, окажемся в опасности, которую трудно переоценить.

Сложнее всего мне отреагировать на суждения об идеологической ангажированности и имперском, пусть и с оговорками, посыле в российской политической антропологии. Но чувствую, что надо. Прежде всего, мне кажется, что мы, академические люди, должны удерживаться от подобных высказываний, тем более что они не заключают в себе никакого научного содержания.

Раскол, несомненно, есть, но не в нашей науке, а в убеждениях и пристрастиях политического и идеологического свойства, бытующих в среде российской интеллигенции в целом, и корнями он уходит в далекие времена. Это раскол между “условным почвенничеством” и “условным западничеством”, обе позиции претерпевали модификации в различные годы, но не сглаживались и всегда несли с собой латентную или явную конфронтацию. Она ни в коем случае не должна прорываться в научный дискурс. А высказывания, о которых идет речь, да и иные, западнические, за неимением лучшего выражения, настроения на страницах научной печати мне представляются именно такими нежелательными прорывами — порой они бывают агрессивными и даже имеющими тенденцию вводить в заблуждение недостаточно осведомленных читателей, а подчас — напоминающими партийно-пиаровские приемы в отнюдь не научном дискурсе. Такой, например, мне показалась словесная формула “обслуживание интересов политических элит” (Соколовский 2015: 143 и др.), применяемая к работе коллег, включая и руководителей, с которыми приходится взаимодействовать

годами и от которых — это заведомо известно — можно не ждать ответных мстительных действий, потому что они себя уважают.

Что же касается существа дела, то я вижу в лоне российской политической антропологии два положения, способных вызвать “идеологический” протест у некоторых наших коллег: положение о необходимости сохранять и укреплять целостность государства и положение о том, что внутреннее административное деление страны не должно основываться на принципах национальной автономии. Оба они подстилаются здравым смыслом и горьким историческим опытом. И распад Советского Союза, и в особенности сталинский принцип национальных автономий, воплощенный в жизнь с небывалой грубостью, наделали неисчислимые беды. Так что названные положения — это не идеология, а стремление к благополучию и стабильности для нашей страны и для всех, кто в ней живет. А уж то, насколько это надежные, научно обоснованные и осуществимые положения, может быть предметом дальнейших непредвзятых, свободных от идеологического флера академических штудий и дискуссий. Так что, если мы не будем привносить идеологию в науку, то раскола в нашем научном сообществе не произойдет, как не произошло, я убеждена, до сих пор, потому что мы все же в основном сохраняем академичность.

Что же касается теоретического тупика, то эта опасность существует только для тех, кто не способен к теоретическому мышлению. Здесь я вступаю на путь убежденного противостояния тем коллегам, в особенности моим ученикам и младшим товарищам, которые думают, что существуют или могут существовать методология и методики, подобные панaceaе, — надо только их выбрать среди множества созданных ранее, желательно, как можно более “современных” (или модных) — ну, либо выработать заново, но уж как следует, надежно. Если их хорошенько освоить и потом неукоснительно применять, то успех научной работы и правильные теоретические выводы как бы уже и обеспечены. Иллюзия, простительная молодым и неопытным. Общая для научного сообщества методология у нас была в советское время, она наделала много вреда. Методологии должны быть разными, причем не подобранными из числа уже имеющихся, а созданными лично для себя. А методики вообще формируются каждый раз заново под конкретно поставленные задачи. Разумеется, все это делается при опоре на профессиональный опыт предшественников и современников.

Об остальном

Помимо прикладной политической антропологии, все занятия в нашем научном сообществе (за исключением тех, что связаны со “смежными дисциплинами”) С.В. Соколовский условно называет *этнографической фольклористикой* и определяет как изучение «традиционных для этнографии сюжетов — “обычаев и обрядов”, “мифологии и традиционных представлений”, “современных и классических жанров фольклора” или, в другой формулировке, “культур с их особенными ритуалами, обычаями, символами, фольклором»» (Соколовский 2014: 163–164, 179). Звучит так, будто автор этих слов пришел к нам из какой-то “другой страны”, как будто даже не из “гуманитарной страны”, хотя сам он издал немало ценных и очень нужных исследовательских работ.

Приведенные выше определения содержания *фольклористической этнографии* напомнили мне высказывания тех, кто в начале 1990-х годов создавал якобы новую в России науку — социальную или культурную или даже “культуральную” антропологию. “Этнография — говорили они — это кружева и резные наличники”. То были люди, которые в советское время преподавали в вузах научный коммунизм, политическую экономию социализма и историю КПСС. Они просто не знали или знали лишь понаслышке, что изучают этнографы в нашей стране или социальные антропологи в других странах.

Во многом, как представляется, именно благодаря приходу в нашу область немалого числа людей, занимавшихся прежде иными делами, происходит подмена смысловой или функциональной сути исследовательского процесса его предметным наполнением, и для того, чтобы инициировать якобы новое направление или новую субдисциплину, оказывается достаточным к какому-то отдельному предмету добавить слово “антропология”. Новые антропологии растут как грибы. В силу доступности и незатейливости таких предприятий их “инновационные” возможности неисчерпаемы: от антропологии футбола до антропологии метро, от антропологии пола до антропологии потолка... Вот на этом пути есть опасность попасть в теоретический тупик.

Принципиальное значение для развития той или иной отрасли научного знания имеют не конкретные предметы изучения, а то, во имя чего они изучаются. У нашей области знаний, под каким бы названием она ни значилась на том или ином историческом этапе (этнография, этнология, культурная или социальная антропология), всегда была одна главная задача, или сверхзадача: понимание того, как строится социальное взаимодействие или человеческое общежитие в различных культурных средах, постижение того, что можно было бы фигурально назвать тектоникой социальной жизни в ойкуменистическом масштабе. И знания об обычаях, обрядах, фольклоре, и знания о типах жилищ или одежды, о кулинарных традициях и формах религиозных верований, гендерных стереотипах поведения, способах воспитания детей, типах властных структур, родственных институтов, положении личности в обществе, о типах этничности и ее восприятии, а также о великом множестве других вещей, порожденных коллективным многовековым творчеством людей в разнообразных этнографических, исторических и социокультурных контекстах, — все эти знания нужны для медленного и трудного, но все же продвижения к названной главной цели, и все они на нее работают. Поэтому любые профессионально проведенные и профессионально отраженные в письменных текстах исследования, в каком бы дескриптивном или “нетеоретическом” ракурсе они ни выступали, каким бы частным аспектам человеческого взаимодействия ни были посвящены, какими бы “традиционными” или даже “устаревшими” по выбору предметов изучения ни казались, — все они являются вкладом в “общую копилку” материала (и его поэтапной аналитической обработки), который служит, должен и будет служить для самых широких и неожиданных по своим результатам обобщений.

В очередной раз сделаю упор на профессионализм, который обретается при специально организованном систематическом, имеющем основательную историческую традицию университетском обучении (даже если оно и страдает существенными недостатками) и который потом оттачивается в ходе многолетнего труда. Двадцать с лишним лет работы в сфере высшего образования убедили меня, что главное в образовательном процессе — не то, как построены его программы, и даже не их содержание; главное — это то, что студенты в течение пяти или шести лет повседневно взаимодействуют с людьми, усвоившими опыт нескольких предшествующих поколений профессионалов, а также имеющими солидный исследовательский стаж.

Именно в этой связи я бы провела, фигурально выражаясь, некую демаркационную линию в нашем отечественном этнологическом (социо-культурно-антропологическом) сообществе. Оно, на мой взгляд, слишком толерантно к непрофессионализму и слабым, некачественным работам. В этом отношении мы уступаем не только современным западным, скажем, британскому или австралийскому сообществам нашего профиля, но и российскому дореволюционному (т.е. существовавшему до 1917 г.). Там научная среда самоорганизуется и самоорганизовывалась так, чтобы отторгать людей, не способных соответствовать установившимся профессиональным канонам. Главный инструмент такого отторжения — принципиальная и открытая критика в печати, а также и критика при всевозможных устных обсуждениях,

включая обсуждения квалификационных работ. В этом отношении мы, возможно, уступаем даже концу советского времени, который я застала.

Мы как будто мчимся в каком-то безумном заезде, набирая очки для наращивания личного “рейтинга”, издевательски обыгрывая слово “хирш” в кулуарах, но все же не забывая о своем. У нас слишком много всего: семинаров и конференций (с почти утвердившейся практикой приходить только на собственные доклады и для приличия прослушивать пару-тройку других), экспертиз, отчетов и планов, грантовых заявок и т.п. А некоторые из нас еще, как уже говорилось, преподают в вузах; мало того, что само по себе преподавание — это время- и энергозатратное дело, так еще и сопровождающее его вузовское бюрократическое бремя — “бумажная барщина” — несравненно тяжелее, чем академическое. По сравнению с обслуживанием вузовской бюрократии, обслуживание бюрократии, управляющей наукой (вот кого мы действительно обслуживаем и не только обслуживаем, но и в значительной мере обеспечиваем само их существование), — “службишка, не служба”!

За всем этим мы упускаем из виду события, чреватые для нас немалыми неприятностями: то совершенно посторонние люди внедряют в государственном масштабе стандарт высшего образования по социальной антропологии, от которого годами потом не удастся избавиться то оказывается утвержденным новый профессиональный стандарт “Специалист в сфере национальных и религиозных отношений”, вырвавший из лона этнологии и антропологии одну из ключевых составляющих и созданный тоже людьми посторонними то столь же неподготовленные люди сформируют новую вузовскую структуру вроде “Центра этнополитических и этнокультурных процессов” и начнут беззастенчиво копировать, получая под это от государства огромные деньги — этнонациональные и этноконфессиональные мониторинги, организованные В.А. Тишковым и его соратниками в рамках межвузовского “Распределенного научного центра”. Перечислить подобные события нельзя, а противостоять им — можно, но только сообща, планомерно и систематически. Мы этого пока почти не делаем.

Под конец мне осталось только солидаризироваться с В.А. Тишковым в том, что он написал про разговоры о кризисе в нашей исследовательской деятельности, а также о перспективах междисциплинарности, добавив от себя несколько слов о “трансдисциплинарности”. Каждому из нас, как бы упорно и много он ни работал, не хватает жизни, чтобы, используя выражение А.Р. Рэдклифф-Брауна, “обрести нечто вроде способности проникать” в сущностные черты устройства социального мира, не переставая сокрушаться о том, как много из намеченного не сделано и как мало познано. Мы видим, к каким негативным последствиям ведет вторжение в нашу дисциплину людей неподготовленных; не следует и нам вторгаться в иные профессиональные сферы. Оставаясь профессионалами (этнологами, антропологами), мы не способны и не должны участвовать в поисках решения таких проблем, как “проблема изменения климата”, “влияние человека на планету в эпоху, получившую наименование антропоцена”, “проблема нехватки ресурсов, прежде всего — воды”, и др. (Соколовский 2016: 25–27). Это глубоко специализированные проблемы, и само существование некоторых из них отрицается весьма заслуженными специалистами. Они утверждают, например, что антропогенным факторам не под силу изменить климат планеты, а водные ресурсы могут успешно пополняться за счет промышленной переработки природного водорода (Полеванов, Порфирьев 2017). Нам не дано ни подтвердить, ни опровергнуть такие утверждения. Нам пристало только стремиться к тому, чтобы быть как можно более сведущими в своей дисциплине, а не экспертами по междисциплинарности или трансдисциплинарности. К тому же существует множество отработанных способов объединения усилий первоклассных экспертов из разных областей для решения конкретных проблем, того требующих.

Что же касается кризиса, то, как говорил один знаменитый профессор, он — “в головах людей” (подобно разрухе). Подневольность и закрепощенность ученых могут, однако, повести к нему. Поэтому — “лишь дайте только волю”, господа — со всем остальным мы справимся сами.

Примечания

¹ По большому счету здесь и далее надо было бы приводить имена авторов и ссылки на те работы, которые упоминаются в негативном ключе. Но тогда понадобилось бы писать не короткую заметку, а целую брошюру и тогда было бы задето слишком много самолюбий.

© Д.В. Арзютов, Д.Дж. Андерсон

“ДВОЙНОЕ ПОСЛАНИЕ” ЭТНОСА: КОММЕНТАРИЙ К СТАТЬЕ АКАДЕМИКА В.А. ТИШКОВА

Не секрет, что историки самых разнообразных дисциплин испытывают некоторую привязанность к “началам” и “концам” жизни исследователей или институтов во временном и географическом отношениях. Статья, к которой редакция журнала “Этнографическое обозрение” любезно предложила нам написать комментарий, не исключение и уже в своем заголовке отсылает к литературному клише, восходящему к “Повести временных лет”. Нынешние “истоки”, впрочем, уже были похоронены самим автором статьи академиком В.А. Тишковым немногим более 15 лет назад в его книге “Реквием по этносу” (Тишков 2003а). Между сегодняшним “откуда есть” и позавчерашним “реквиемом” пролегает множество путей, идущих, вероятно, в обратном направлении — от смерти к воскрешению.

Прежде чем комментировать собственно текст статьи, мы считаем своим приятным долгом поблагодарить В.А. Тишкова за то, что он поделился с аудиторией журнала и нами своей интеллектуальной биографией, которая, как известно, связана тесными узами с развитием антропологии в постсоветской России. Мы имеем в виду прежде всего выстраивание мостов с североатлантическими антропологическими традициями, включая огромные усилия, приложенные автором к преодолению взаимного непонимания, порожденного холодной войной. Историки антропологии прекрасно знают, что именно академик В.А. Тишков в свое время выявил “кризис” советской этнографии (Tishkov 1992), и одно из решений по его преодолению было найдено внутри дисциплины через переименование собственно этнографии в этнологию и антропологию, а вместе с этим и переименование академического института в Москве. Следствием таких решений стал импорт огромного числа терминов,

Дмитрий Владимирович Арзютов | <http://orcid.org/0000-0003-3782-9296> | darzyutov@gmail.com | к. и. н., соискатель ученой степени доктора философии по истории науки и экологической истории | Королевский технологический институт (Teknikringen 74D, 100 44 Stockholm, Sweden)

Дэвид Джордж Андерсон | <http://orcid.org/0000-0002-9624-5867> | david.anderson@abd.ac.uk | Ph.D. (Cantab), профессор | Университет г. Абердина (King’s College, Aberdeen AB24 3FX, UK)

вошедших в словарь современных российских исследователей. Впрочем, в то же самое время “кризис” разразился и в североатлантической антропологии – “кризис репрезентации”, что и спровоцировало публикацию упомянутого автором англоязычного сборника статей “Writing Culture” (Clifford, Marcus 1986). Североатлантический кризис заставил культурную и социальную антропологии вернуться к теории практик, к пониманию множественной природы (*multi-natures*), к онтологиям и другим, зачастую достаточно абстрактным идеям. По сравнению с российским опытом, это движение можно охарактеризовать как потерю интереса к категоризации социальной жизни по этническим признакам. Академик В.А. Тишков, однако, описывает этот кризис так, будто зарубежные антропологии, утратив свой “бренд”, уступили место неуправляемой массе социологий и психологий. Российский кризис, напротив, изображается В.А. Тишковым как продуктивное оживление этнического дискурса на более гибкой и демократичной основе, приведшее к тому, что этническое теперь можно найти в десятках дисциплин. В действительности даже в первоначальном варианте статьи, который мы получили для написания комментария, слово *этнос* или приставка *этно-* звучат в разнообразных вариантах 278 раз! Такой *этно-эффект* может быть понят как своеобразное поглощение этнических категоризаций и попытка выстраивания российской этнографии/антропологии на фундаменте весьма отличном от ее зарубежных родственников – социальной и культурной антропологии. Более того, российский кризис все еще преодолевается через продолжающиеся наступательные операции “конструктивистов” на, как может показаться на первый взгляд, плохо оснащенную и морально устаревшую армию “примордиалистов”. Любому знакомому с российской историей это не может не напомнить прошлые баталии в духе “город против деревни”, “новации против традиций” и т.п. В этой борьбе академик В.А. Тишков видит непреклонность части своих коллег, продолжающих нести “этнический” свет в массы.

Признаемся, что нас это не удивило – напротив, стоит радоваться тому разнообразию этнического возрождения, которое В.А. Тишков документирует в своей статье. Удивлены же мы были, когда обнаружили нашу недавнюю книгу “Life Histories of Ethnos Theory in Russia and Beyond” (Anderson et al. 2019) в качестве примера не критической ностальгии по большой советской теории и даже своеобразной реабилитации (одной из версий) этой концепции. Этот комментарий автора ставит нашу работу в один ряд с публикациями разного рода расистов, националистов и популистов. Такое неожиданное прочтение требует от нас пересказа некоторых моментов книги, с текстом которой читатель, может быть, еще не успел познакомиться.

Наша книга содержит подробный анализ того, как дискуссии об этнической принадлежности и этнических маркерах вспыхнули в самых разнообразных формах по всей Евразии: в России (как в обеих столицах, так и в регионах), в Китае и Центральной Азии. Нашей целью было представить евро-американской аудитории богатство и разнообразие этих региональных традиций. Мы разложили перед читателем сотни архивных документов, писем, полевых дневников и фотографий, которые позволили, на наш взгляд, установить продуктивность этого набора концепций, несмотря на все известные ограничения и противоречия. В этой работе мы предлагаем критический обзор тех интеллектуальных экспериментов по выявлению этнических различий, которые проводили ученые в конце XIX – начале XX в., без осуждения, с которым подходит академик В.А. Тишков к событиям прошлого. Пожалуй, нет лучшего оправдания продуктивности такого мышления, чем упомянутые 278 *этно-*форм, отражающих как легитимное *этническое*, так и “дремучее” *этнос-*ическое, характеризующих современные российские “словари идентичности”, подобно тем, которые Ф. Хирш реконструировала в своей книге о роли этнографов в нацистроительстве начала советской эпохи (Hirsch 2005).

Не найдя более удачного современного термина, мы, возможно, рискуем выглядеть несколько старомодно, сказав, что перед нами случай *double bind* (“двойное послание”) в терминах британского антрополога Г. Бейтсона (*Bateson* 1987 [1969]), когда призыв к действию содержит одновременно и отказ от него. Но в этом отказе при многократном *этно*-цитировании кроется важный эпистемический момент, который мы хотели бы вынести в центр нашего комментария. И сам автор намекает на это, указав, что под названием книги “Реквием по этносу” “имелась в виду, конечно, теория, а не сама этническая реальность”.

Нам больше всего не хотелось бы превращать комментарий в авторитарную линейную и однонаправленную историю успешных заимствований с “Запада”, равно как и в призыв к отказу от “местных” концепций. Для нас — это скорее движение двух локомотивов, несущихся в противоположных направлениях. Здесь привычная метафора поезда, застрявшего на полпути из-за снежного заноса, но оставившего возможность для пассажиров перепрыгнуть в современные вагоны пролетающего мимо локомотива, не работает. Справедливо то, что североатлантические антропологи, хоть они и находились в комфортабельных вагонах, обслуживающихся множеством людей, трудоустроенных по краткосрочным контрактам, все же предпочли уйти от изучения “стабильной” этничности к изучению едва заметных или ускользающих человеческих практик. Машинисты же российского локомотива, решив превентивно отказаться от этнического и спровоцировав стремительную инфляцию этого понятия в среде коллег, тут же перешли на рельсы либеральных концепций идентичности. Незавершенный ремонт и несходящиеся пути в этой новой современной инфраструктуре оставляют довольно мало места для маневров и диалога, которые, как мы писали в нашей книге, “основатели” теории этноса все же пытались обнаружить в шуме и пороховом дыме Первой мировой войны и даже ранних постреволюционных лет.

Достаточно вспомнить имена героев нашей книги, которых академик В.А. Тишков небрежно отбрасывает как “случайные фигуры”. Каждый из них приложил немалые усилия в поисках пресловутой идеи установления объекта этнографии — занятия, сегодня кажущегося нелепым, но прежде мыслившегося главнейшим вопросом дисциплины. Их опыт международного сотрудничества и организации полевых исследований на окраинах империи в действительности заложил основы современной российской антропологии (см., напр., о С.М. Широкогорове: *Anderson, Arzyutov* 2019), в которой этнос, как и его синонимы, хотим мы того или нет, продолжает настойчиво появляться на страницах публикаций и в публичном дискурсе. Однако виды из окна российского локомотива не столь важны, так как он настойчиво прокладывает другой маршрут и сигналы машинистов оказываются неразборчивы для пассажиров. Впрочем, обозревая теории этноса на протяжении долгого XX в., нетрудно заметить, сколько раз они то фетишизировались, то низвергались, становясь то странной “метафизикой”, то математической формулой. И каждый раз этнографы, по неведомой никому воле, исключали множественные истории этой идеи, обрекая этнос на вневременное существование, сводящееся часто к именам новых и новых “основателей”, отгораживающих себя от ландшафтов, по которым проложены их железнодорожные полотна.

Порой, правда, эти полотна неожиданно пересекаются. Так, академик В.А. Тишков предваряет свою статью обсуждением наследия Ф. Барта — лидера так наз. транзакционной школы (*transactionalist school*) в антропологии, обратившей свое внимание на частные способы построения границ через повседневные человеческие взаимодействия (*Sneath* 2018). Занимаясь на протяжении многих лет историями теории этноса, мы познакомились с независимым исследователем американского происхождения Д. Тумасонисом, живущим в Норвегии и учившимся у Ф. Барта. В конце 1960-х годов Ф. Барт настойчиво рекомендовал своему студенту

исследовать жизнь и деятельность С.М. Широкогорова. Эта рекомендация привела к тому, что Д. Тумасонис собрал огромный архив писем, интервью и фотографий о жизни русского эмигранта. Более того, многие наши коллеги в частных беседах комментировали сходство между работами С.М. Широкогорова и Ф. Барта и, в частности, тот момент в описаниях, когда этические границы сталкиваются и “паразитируют” друг на друге в постоянной борьбе за территорию. Хотя Ф. Барт никогда не делал прямых ссылок на теорию этноса, он больше пяти лет поощрял скрупулезное исследование каждой мелкой детали этой теории и биографии С.М. Широкогорова, что заставляет нас все-таки провести параллели между теорией, привнесенной из Южной Азии, и теорией, написанной на окраине распадающейся империи. Один из локомотивов этноса, пусть и невидимо, проходил по североатлантическим путям.

Впрочем, несмотря на эти пересечения, голоса с окраин страны оказываются почти не слышны за закрытыми окнами. Они — лишь инструменты в построении этих столичных теорий или иллюстрации “экзотичности”. Именно поэтому в нашей книге мы предлагаем читателю внимательно прислушиваться к тому, что говорят нам и говорили нашим предшественникам знакомые в поле, и не спешить отбрасывать то, что кажется неподходящим или “дремучим”, а внимательно перечитывать тексты прошлого и обдумывать их через наш сегодняшний интеллектуальный и социальный опыт.

В этой связи для нас наиболее интересным представляется фрагмент статьи В.А. Тишкова о современной серии “Народы и культуры”, история которой была предметом рассмотрения нашей недавней публикации (*Anderson, Arzyutov* 2016). Эта серия указана академиком В.А. Тишковым как его детище, оказавшееся, впрочем, весьма непослушным ребенком, прежде всего из-за местной интеллигенции, прибегнувшей к многократному использованию слова *этнос* и настаивающей на *этно-генетических* схемах. Привычная “полевикам” эмпатия и желание выявить эпистемические и онтологические основы локального знания и практик тут словно отошли на задний план. Вместо них появились мрачные картины нынешнего мира антропологии, где “этнофилы” из провинции превратились в “дремучих” невежд на фоне прогрессивного столичного “социального конструктивизма”. При этом автор справедливо испытывает гордость за возможность публикации такой серии, где московские и Санкт-Петербургские исследователи оказались на равных с “провинциалами”. Впрочем, дизайн “Народов и культур” наследовал то, что было спроектировано в годы активного советского национально-культурного строительства, ярко обыгранного в метафоре Ю. Слѣзкина — “СССР как коммунальная квартира” (*Slezkine* 1994). Книжное измерение этого коммунального быта превратило “народы” в “тома”, “главы” или “разделы”. В иерархичном устройстве оглавлений скрывается *этно-мышление*: если народ важен и известен — том, если по каким-то причинам не столь важен — глава, ну а если и вовсе незначителен — небольшой раздел. Видя оглавления томов, “провинциалы” и “аборигенные” этнологи”, как определяет академик В.А. Тишков своих соавторов по серии, прочли это сообщение вполне определенно. Так, вышедший том “Тюркские народы Сибири” (*Функ, Томилов* 2006) отвел алтайцам лишь раздел, что спровоцировало местный ответ в виде отдельного тома с названием “Алтайцы” (*Екеев* 2014), в предисловии к которому авторы четко артикулировали свою неудовлетворенность позицией, отведенной им в этой книжной иерархии, но сами, однако, сохранили “классический” стиль описания этнической истории и культуры, т.е. стиль, унаследованный от советских “Народов мира”. И эта особенность не может не привлечь внимания этнографов. Прежде использованный как академический инструмент для описания имперского многообразия, этнос сегодня стал среди прочего и формой отстаивания собственных притязаний на землю, язык, культуру. Именно через этнос, как кажется “провинциалам”, они могут установить контакт с теми в столице, кто еще недавно, а отчасти и сейчас, как например президент России,

используют это понятие. Да и сам автор продолжает убеждать читателя в необходимости “нациестроительства на основе полиэтнической гражданской нации” (курсив наш. — Д.А., Д.А.), которая, кроме всего прочего, может принести свои дивиденды обновленной российской антропологии.

Невольно приходит на ум знаменитое эссе Г. Спивак “Может ли угнетенный [subaltern] говорить?” (Spivak 1988), где автор напоминает нам о невозможности репрезентации колониального субъекта, приводя пример самоубийства индийской девушки Бхуванешвари Бхадури. Примечательно, что, описывая Других в категориях этноса, этнографы могли только подшучивать над тем, как их “информанты” будут описывать собственную культуру в терминах академической дисциплины. Однако как только это произошло и “угнетенный заговорил” языком этой “старомодной” этнографии, его действия были помещены в модель того самого “двойного послания”, которое с легкостью позволяет приписывать ему неправильность понимания столичных концепций и положений. “Нет, нет, мы имели в виду совсем иное! Эта концепция устарела, так больше не говорят!” — неразборчиво несетя с подножки мчащегося поезда.

Но как же это понять там, “на окраине”, когда именно этот самый термин (*этнос*) становится формой “академического национализма”, совсем недавно с успехом транслировавшегося, например, А.Г. Дугиным, в ту пору профессором МГУ, через десятки его книг и учебников по “социологии” и “геополитике”? *Этнос* и *этно-* оказываются в странной ситуации, в которой использование или отказ от использования этих терминов — не столько противопоставления, сколько едва различимые оттенки одного действия, из-за чего живое знание, пусть и кажущееся нелепым ученому читателю или слушателю, трансформированное в переводе на этот академический язык, может оказаться смертельно опасным.

Трагической иллюстрацией этому служит публичное самосожжение удмуртского активиста А.А. Разина перед зданием парламента в Удмуртии 10 сентября 2019 г., упомянутое академиком В.А. Тишковым в его статье как пример навязанных государством “этатистских форм”, которые «понуждают носителей уже “этнонационального” к радикальным защитным или агрессивным действиям, вплоть до этнического насилия или самосожжения». Поезд продолжает мчаться... Пользующийся для диалога с властью ретроградным *этносом* человек, с его действиями, опытом и прежде всего с его невозможностью быть услышанным в современной России, остается частным примером государственного доминирования в национальной политике. Возникающая оглушительная немота сводится к утверждению, что “языки должны быть равноправны, но они не могут быть равны по своему использованию, возможностям и статусу. На русском языке создана часть значимого мирового культурного наследия, как, например, произведения Льва Толстого, Антона Чехова и Федора Достоевского. Поэтому в нашей стране он всегда будет пользоваться преимуществом” (Тишков 2019б).

Впрочем, на одном из полустанков на горизонте возникает фигура индигенности — тема не столь уж новая для исторической этнографии в России, также как и для североатлантических традиций. И тут академик В.А. Тишков прав, что сама концепция индигенности в России тесно связана с этносом (см.: Vermeulen 2015). Можно вновь вернуться к самому началу XX в., когда *этнос*-теоретики — герои нашей уже упомянутой книги — выстраивали свои модели, преимущественно опираясь на этнографию коренных народов (С.М. Широкогоров) и крестьян (Ф.К. Волков и Н.М. Могилянский), которые, как справедливо указывает А. Эткинд, зачастую находились в одной категории имперского управления (Etkind 2011). Однако, замечая эту связь между этносом и индигенностью, академик В.А. Тишков видит в последней что-то недоброе и таящее опасность и даже “новый серьезный общественно-политический вызов”. Для посткризисной североатлантической антропологии появившееся

глобальное понятие индигенности, которое пришло на смену *aboriginals*, *natives* и обобщенного *Другого*, открыло прежде всего феноменологическую перспективу многообразных отношений человека и ландшафта, отличных от капиталистических современных форм эксплуатации и потребления. Кроме того, ученые, родившиеся в индигенной среде, оживили культурную антропологию новой волной статей и книг, в которых исследуются связь человека с местом и важность этой “укорененности” как опоры, выступающей против экономического либерализма (*Simpson 2007; Turner 2006*). Как отмечают Л. Бесае и Д. Бонд в своем энциклопедическом обзоре и критике “онтологического поворота”, городские интеллектуалы обладают привилегией критиковать теоретическую чистоту концепций сельских жителей, в то время как именно органические, примордиалистские и эссенциалистские концепции являются часто самыми продуктивными и реалистичными инструментами для защиты своего образа жизни (*Bessire, Bond 2014*).

Возвращаясь к опыту все тех же *этнос*-теоретиков, мы с легкостью можем увидеть, как они описывали этнос/индигенность через практики и онтологии. Достаточно вспомнить С.М. Широкогорова и Е.Н. Широкогорову с его/их “Психоментальным комплексом тунгусов” (*Shirokogoroff 1935*), который так и остался непрочитанным и в достаточной степени маргинальным для российской этнографии.

Долгий гудок, означающий то ли остановку, то ли, наоборот, начало движения, продолжает возвращать нас к неразрешенности самой проблемы. Нужно ли – в который раз – бросать все силы на борьбу с этносом или можно попросту отдать право самим людям говорить на языке им понятном, а нам (антропологам) – слушать, участвовать и понимать, открывая новые горизонты российских антропологий, в которых исследователи и их “объекты” перестают размещаться в иерархических моделях?

Благодарности

Со стороны Д.В. Арзютова работа поддержана проектом “Greening the Poles: Science, the Environment, and the Creation of the Modern Arctic and Antarctic (GRETPOL)” (руководитель профессор Педер Робертс. Ставангер, Норвегия; Стокгольм, Швеция).

© М.М. Балзер

ИРОНИЯ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ВЗГЛЯДОВ В.А. ТИШКОВА В ГЛОБАЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Статья “Откуда и куда пришла российская этнология: персональный взгляд в глобальной перспективе” – это обзор истории развития этнологии России за последние полвека, написанный одним из главных творцов этой истории. Поэтому и в России, и за рубежом социально-культурные антропологи рады ее появлению. Мои

Марджори Мандельштам Балзер | <http://orcid.org/0000-0002-7048-996X> | balzerm@georgetown.edu | гл. редактор журнала “Anthropology and Archeology of Eurasia” | профессор | Джорджтаунский университет (37th and O Streets, N.W. Washington, D.C. 20057, USA)

комментарии, как и комментарии В.А. Тишкова, также являются “персональным взглядом”, который сложился в основном в результате моей почти тридцатилетней деятельности в роли главного редактора журнала “Антропология и археология Евразии” и моего участия (начиная с 1980-х годов) во многих международных конференциях и проектах по теме этничности, упомянутых автором статьи. Мне приятны комментарии В.А. Тишкова о моем журнале, который публикует работы ученых бывшего Советского Союза и благодаря которому повышается осведомленность зарубежных коллег и студентов о разнообразии и богатстве этнологических исследований, проведенных в России. Наши взаимоотношения с В.А. Тишковым начались на старте 1990-х с совместного разочарования в том, что в английском языке не существует отдельного слова для обозначения многонациональной России. Поэтому я как редактор приняла решение использовать в нашем журнале слово *Rossia* вместо *Russia*. Однако В.А. Тишков в том же предложении, где хвалит журнал, также подчеркивает, что я “помогала якутским этнологам с зарубежными стажировками”. Прочитав это, я стала с иронией относиться к тому, что написано в статье. Во-первых, я бы сказала, что помогала не якутским этнологам, а саха-этнологам – ведь именно так они сами называют себя на родном языке. Во-вторых, я старалась не отдавать предпочтение ученым из Республики Саха, где я проделала большую часть своей полевой работы, но также помогала калмыцким, бурятским, тувинским, татарским и эстонским исследователям, приглашая их в Джорджтаунский университет через программу “Фулбрайт”, когда появлялась возможность.

Для меня ключ к этнографическому и сравнительному этнологическому пониманию лежит в осознании взаимосвязи методологии и теории. Я всегда поддерживала высказываемую В.А. Тишковым критику “примордиализма”, в частности теории этноса, а также ценила его вклад в уменьшение претензий на то, что любая “великая всеобъемлющая теория” может быть применима в антропологии. Но серьезное отношение к “конструктивизму”, “этничности”, “ситуативной идентичности” и “аборигенности” также означает необходимость серьезного отношения к масштабу и глубине мировоззрения ученых, принадлежащих к коренным народам. Это означает совместное теоретизирование с коллегами из числа автохтонного населения, понимание последствий многоуровневых активистских движений коренных народов и осознание того, что местные этнографы не должны ограничиваться изучением только собственных сообществ. Несмотря на то, что во время полевой работы в Республике Саха я была свидетелем глубокого уважения, которое саха-этологи проявляли к В.А. Тишкову, я также понимаю разочарование коллег в Татарском общественном центре в связи с его взглядом на разделение идентичности на более мелкие во время переписи 2010 г., который способствовал уменьшению общего количества татар в Татарстане. Идеальным вариантом было бы отразить в итогах переписи и общетатарскую идентичность, и идентичности субэтнических групп, а также учесть религиозную идентичность опрашиваемых. Хорошо известно, что В.А. Тишков наряду со В.А. Шнирельманом и Ю.В. Бромлеем является авторитетом в борьбе с антисемитизмом. Для здоровья Российской Федерации ученым и другим влиятельным людям также стоило бы отказаться от прорусской точки зрения и ослабить соответствующие националистические позиции в языковой политике. Я увидела иронию и в том, что В.А. Тишков назвал удмуртского историка А.А. Разина “радикальным” этноактивистом за его самопожертвование, мужественное противодействие русификации в современной России. Сейчас настало время высказаться о нежелательности уменьшения государственной поддержки нерусских языковых программ в республиках, особенно если не хочется, чтобы тебя воспринимали как человека, имеющего отношение к неокOLONIALной политике.

Стоит вспомнить один показательный этнографический эпизод с участием В.А. Тишкова. В течение нескольких лет он искал подходящего иностранного

Рис. 5. В.А. Тишков, участвующий в игровых действиях в Республике Саха (Якутия), 2013 г. (фото М.М. Балзер)

культурного антрополога, который смог бы год прожить на даче его семьи в деревне, расположенной в центральной части России. Хотя, насколько мне известно, никто не принял это любезное приглашение, тем не менее моя коллега М. Паксон опубликовала монографию “Solovuyovo” об этнографии русской деревни с таким названием (Paxson 2005). Эта захватывающая книга заслуживает публикации на русском языке, равно как и новаторская и более оптимистичная, чем работа К.-Х. Коля (Kohl 2011), монография М. Фишера “Emergent Forms of Life and the Anthropological Voice” (Fischer 2003). Можно понять, почему книга “Writing Culture” (Clifford, Marcus 1986) никогда не переводилась, но я бы предложила в перспективе обратить внимание на другую ключевую работу Д. Маркуса и М. Фишера – “Anthropology as Cultural Critique” (Marcus, Fischer 1996). Дополнительную информацию о моих взглядах на тренды в развитии американской антропологии и их значение для России можно получить, прочитав мое обращение к Конгрессу антропологов и этнологов, прошедшему в Екатеринбурге в 2015 г. (для этого можно связаться со мной напрямую по указанному в данной публикации адресу электронной почты).

В целом, хотя я и отмечаю растущее разнообразие методов и тем исследований российской этнологии, которое выделяет В.А. Тишков, это не означает, что нужно копировать “модели” антропологической теории Запада. Конечно, стандарты долгосрочной полевой работы на местах должны соблюдаться, но мы знаем, что культурные традиции и ценности влияют на деятельность социально-культурных антропологов в различных странах. Это помогает подчеркнуть гибкость прилагательного “культурная” в духе “антропологии как культурной критики” и не концептуализировать “культуру” как ограниченный объект изучения. К тому же большинство из нас уже не концептуализирует “этнос” данным образом.

© А.В. Головнёв

О НАПРЯЖЕНИИ И ДВИЖЕНИИ

Ничто исследуемое исследователю не чуждо, и правы те, кто рекомендует антропологам не упускать возможности изучить самих себя. Учености свойственна не только рассудительность, но и полемичность по формуле “свой–чужой”; и суждения ученых об идентичностях полны их собственных оппозиций и антитез. К тому же бинаризм столь же универсален, сколь и агрессивен: он делит сущности пополам и создает напряженность там, где ее исходно не было. Бинарные оппозиции можно вслед за К. Леви-Стросом считать всеобщим кодом мифа и мира, а можно рассматривать как этнографическую черту европейской ментальности, увлекающейся аналитическим расчленением любого явления и пренебрегающей возвращением ему изначальной целостности. Даже в физиологическом делении собственного мозга на полушария ученый ищет больше различий между правым и левым, чем естества целостности. На уровне исследовательской практики бинарность возникает на каждом шагу, начиная с умозрительного или буквального расчерчивания лежащего перед глазами чистого листа на две половины для простейшей систематики данных; в ходе таких изысканий все данные непременно разделяются на две части, даже если какие-то из них выглядят сложнее — по некоему формальному признаку они все равно расходятся направо и налево. Итоговая картина выглядит дихотомично, с оппозицией половин, которые уже не представляют собой единства, и им сложно или невозможно вернуть изначальную целостность. При попытке обратного синтеза проанализированных данных выясняется, что на месте органичного явления образуется напряженная конструкция сдерживания противоречий. Иначе говоря, из живого естества получается “закон единства и борьбы противоположностей”. Стоило ли терзать явление бинаризмом или, даже при нужде заглянуть внутрь, следовало внимательно разглядеть естественные связи, не увлекаясь расчленением? Что представляет собою бинаризм — реальность мира или мышления, бинаризирующего мир? Наконец, не преднамеренно ли агрессивный бинаризм рушит органичное явление, чтобы преобразовать его на свой лад и тем самым подчинить?

Европейская (в т.ч. российская) наука основана на бинарности, ярко обозначившейся в Новое время в “европейском типе рациональности”, антиномиях Канта, диалектике Гегеля, амбивалентности Фрейда, парадоксах Кьеркегора, в “бинарном архетипе” и прочих бесчисленных оппозициях и антитезах (Уваров 1996; Лотман 2000). Бинарность свойственна языкознанию Ф. де Соссюра, Н.С. Трубецкого, Р.О. Якобсона, Н. Хомского и достигает апогея в структурной антропологии К. Леви-Строса. Дихотомиями испещрена картина мира и ценностей — от непрекращаемых антитез добро–зло, правда–ложь, война–мир до метафоричных антагонизмов цивилизация–варварство, Запад–Восток, West–Rest. Дихотомия удобна для арены полемики, в которой борьба доминирует над смыслами. В действительности (если это не война) мнения никогда не расходятся ровно по полюсам,

Андрей Владимирович Головнёв | <http://orcid.org/0000-0002-5716-655X> | andrei_golovnev@bk.ru | д. и. н., профессор, чл.-корр. РАН, директор | Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Университетская наб. 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия)

создавая спектр промежуточных состояний, и этнографически тернеровская триада не уступает по универсальности леви-строссовской бинарности. Дихотомия — всегда упрощение и огрубление, для одних по мотивам страсти или вражды, для других по лености ума или слабости воли. Она же — лучшее орудие для деконструкции и реконструкции реальности, поскольку между полюсами бинарности генерируется энергия и ток напряженности (как между анодом и катодом).

По дуалистическому настрою Россия “впереди Европы всей”: пристрастием к крайностям она выделяется даже на фоне европейской конкурентности. Если в европейской практике действует некий фермент, преобразующий заряд дуализма в энергию для “двигателя прогресса”, то в российской реальности такое “реле” работает со сбоями, и бинаризм разрастается нелепым буйным цветом, взрываясь катастрофами революций. Своими смертельными схватками красные и белые, революционеры и контрреволюционеры, коммунисты и антикоммунисты, либералы и консерваторы превратили новейшую отечественную историю в череду запредельных напряжений и судорог. В этих баталиях сжигаются все исходные смыслы, оставляя место лишь бескомпромиссному бинаризму как идее подавления и уничтожения. Такому диагнозу соответствует рецепт, предписывающий необходимость замещения дуально-дуальных схем более содержательными и сложными (по меньшей мере троичными) алгоритмами.

Мир не делится на два, он многократно сложнее. Эта сложность естественна и потому удобна для восприятия не в статичном нагромождении (иначе она сразу себя перенасыщает, образуя затор), а в последовательном сечении и взаимодействии элементов. Поскольку речь идет о ключевых настройках ментальности, следует оговориться, что ее перезапуск невозможен внутри существующей двоичной схемы: бинаризм не способен сам себя преобразовать в более сложную композицию, и даже при радикальном обновлении он будет искать или создавать оппозицию. Переход к сюжетному “жизненному” мышлению от тупиковой двоичности осуществим только за счет запуска движения. Сдвиг от статики к динамике мышления означает не насилие над природой человеческой, а, напротив, возвращение к исходной мобильной ментальности, некогда замещенной разного рода косными схемами.

Между тем в современной отечественной антропологии/этнологии утвердилась очередная дихотомия, на сей раз в виде дуэли примордиализма и конструктивизма. Об этом противостоянии заходит речь и в обсуждаемой статье В.А. Тишкова, который себя причисляет то к конструктивистам, то к (умеренным) примордиалистам. Созаюсь, я тоже считаю себя “беспартийным”, а в очередном бинаризме слышу эхо свифтовского спора тупоконечников и остроконечников. По существу, примордиализм и конструктивизм — взаимодополняющие измерения, одно из которых показывает стойкость этничности в череде поколений, другое — механизм ее действия. В ряде случаев конструктивизм выглядит даже “этничнее” примордиализма, поскольку служит методом субъективной этнографии, рисующей персоналии и сценарии народостроительства (Головнёв 2018: 33).

При ближайшем рассмотрении обозначенные полюса размываются. По наблюдениям В.А. Тишкова, западные антропологи выступают то родоначальниками и поборниками конструктивизма, то (на постсоветской арене) адвокатами этнического радикализма и сепаратизма “с позиций кондового примордиализма”. Статус конструктивизма обретает еще более загадочный вид, если вспомнить, что его ярким проявлением стало “конструирование социалистических наций и народностей” (цитата из обсуждаемой статьи). Действительно, чем, если не социальным конструктивизмом, было строительство интернационального социализма, воспитание “нового человека” и создание новой исторической общности “советский народ”? С другой стороны, примордиализм имеет отнюдь не советские (бромлеевско-гумилевские), а американские корни, родившись под пером блистательного К. Гирца. Напомню,

что этничность в исполнении лидера антропологического постмодернизма органично монтируется с приемами плотного описания, этнографической интерпретацией и “примордиальными данностями”, включая узы условного родства, расу, язык, территорию, религию и обычаи (*Geertz* 1973: 262–263). Напустившись на эти “данности” (вообще говоря, их список – почти клон “признаков этноса” в советской этнографии), критики принялись освобождать этничность из оков примордиальности, в пылу нанося удары и самой этничности.

Российские антропологи и этнографы, вписываясь в тренд, ищут приют в конструктивизме (поклонники моды) или примордиализме (любители ретро). Однако приюта такого нет, он – “воображаемый” (если воспользоваться метафорой Б. Андерсона). Примордиализм рассеивается на натурализм, органицизм, перенниализм, соседствует или сливается с эссенциализмом, традиционализмом, модернизмом (*Smith* 1999: 3–22). Столь же расплывчат фланг конструктивизма, где соседствуют инструментализм, рационализм, трансакционизм, циркумстанционизм (*Hutchinson, Smith* 1996), оттенки которых перемешаны настолько, что порой обнаруживаются на противоположном берегу. Например, трансакционизм сосредоточен на трансграничных межэтнических взаимодействиях, но все же ключевой категорией и предметом изучения остаются этнические группы. Циркумстанционизм ориентирован на учет меняющихся обстоятельств проявлений этничности, что открывает в нем черты обоих полюсов. (Не берусь оценить здесь роль терминологического насилия, которому подвергается простая и человеческая тема этничности, скрежеща в аранжировке антропологов непроизносимыми “измами”.)

На самом деле в дебатах об этничности давно обозначилось иное, куда более перспективное измерение перехода статики в динамику. Д. Сиапкас, например, рассматривает его как соотношение эссенциалистского и динамичного дискурсов, первый из которых позиционирует этничность как универсальное и неизменное явление, а второй, ныне доминирующий, подчеркивает изменчивость этничности (*Siapkas* 2014).

Этничность в динамике сравнима с рекой, обтекающей разные берега и запечатлевающей их многообразие, или с музыкой, звуки которой, взятые синхронно, могут звучать какофонией, а сыгранные последовательно создают мелодию. Формально обобщенная статичная картина проявлений этничности напоминает месиво или среднюю температуру по больнице, а записанная в последовательности передает течение/движение живой этничности. Это подсказывает приоритет ключевого метода этнографии – сюжетного описания этих ситуативных проявлений.

Еще одно состояние текучести обнаруживается в изменчивости теорий, которые сегодня не менее динамичны, чем феномены, их вызывающие. Если раньше, в эпоху модерна и социализма, отказ от своего утверждения/убеждения был чреват крахом репутации, то современные концепции скорее вибрируют и маневрируют, чем придерживаются жестких рамок. Это означает, что к ним следует относиться так же ситуативно и герменевтически, как ко всяким другим изучаемым явлениям. Кроме того, реальностью стала диффузия теорий и методов, в чем проявляются не пресловутые двойные или тройные стандарты, а возможности применения различных методов в соответствующих исследовательских ситуациях. Я склонен рассматривать любой метод не как символ веры или смирительную рубашку, а как рабочий инструмент, используемый по назначению. Исследователь, когда он изучает исторический сюжет или антропологический феномен, подобен врачу, диагностирующему пациента, и тот, кто во всех случаях применяет один метод, похож на доктора, прописывающего от всех болезней одну микстуру. Набор освоенных исследователем теорий и методов становится его “ящиком с инструментами” (*Головнёв* 2016).

Каждый из классических методов был в свое время научным открытием, и каждый по-своему актуален до сих пор. Эффект свежести и полемического задора,

сопровождая утверждение метода, подталкивал к его расширительному толкованию и эпигонству. Поклонник З. Фрейда всюду открывал либидо, К. Юнга – архетипы, К. Леви-Строса – бинарные оппозиции, А. ван Геннепа – ритуалы перехода, М. Элиаде – вечное возвращение. Затем мысль развернулась от метатеорий к практикам (П. Бурдьё). “Против метода” назвал свою книгу П. Фейерабенд, автор концепции “эпистемологического анархизма” и “теоретического плюрализма” (Feyerabend 2001). Альтернативой выбору единственно верной теории или тотальному отказу от методологий может послужить “ящик с инструментами”, подразумевающий не хаос теорий, а владение ими на уровне, позволяющем применять их в адекватных ситуациях и комбинациях.

К вызовам реальности сегодня добавились вызовы виртуальности. В.А. Тишков отмечает, что в архив Института этнологии и антропологии РАН перестали поступать полевые материалы (дневники). Это свидетельствует не столько о закате полевой этнографии, сколько о появлении цифровой и кибер-этнографии, обходящейся без привычных дневников (в МАЭ РАН только что с немалым трудом разработано новое положение о цифровом архивировании полевых материалов) и все чаще применяющей визуальные средства записи и добывающей сведения напрямую из Сети. Драматически меняющаяся действительность настраивает на переход науки от статистики к динамике, от поиска незыблемых опор к искусству маневра и быстрого реагирования.

© В.Р. Филиппов

ЗАЧЕМ МЫ СЮДА ПРИШЛИ?

Почти 30 лет назад, будучи аспирантами, мы с Е.И. Филипповой организовали экспертное исследование, целью которого было выявление состояния умов наиболее авторитетных представителей нашего этнологического цеха (Филиппова, Филиппов 1992: 3–17). Тогда, в начале 90-х годов минувшего столетия, теоретико-методологический кризис в той или иной степени ощущали если не все, то очень многие наши коллеги. Мнения о причинах, глубине и проявлениях кризиса, о путях выхода из него существенно расходились. Однако большинство известных этнологов-концептуалистов так или иначе заявили о необходимости либо смены, либо диверсификации исследовательских парадигм. Что изменилось за эти десятилетия?

Само название статьи В.А. Тишкова убеждает читателя в том, что российская этнология преодолела какой-то серьезный этап на своем многотрудном пути, что

Василий Рудольфович Филиппов | <https://orcid.org/0000-0003-0501-8528> | fvr1957@mail.ru | д. и. н., ведущий научный сотрудник Центра изучения стран тропической Африки | Институт Африки РАН (ул. Спиридоновка 30/1, Москва, 123001, Россия)

к настоящему времени достигнуты какие-то результаты, позволяющие говорить о пусть транзитной, но “станции назначения”. Возможно, именно на этой станции пора сделать пересадку на другой поезд?

Что касается “станции отправления” конструктивистского поезда, то здесь все более или менее очевидно. Если позволительно говорить о “конструктивистской революции” в отечественной этнологии, то она, безусловно, связана с именем В.А. Тишкова. Этнологи старшего поколения помнят его доклад на заседании Ученого совета Института этнографии АН в 1989 г., впоследствии опубликованный отдельной брошюрой с эпатирующим названием “Да изменится молитва моя!..” (Тишков 1989б). Сам академик в обсуждаемой статье вспоминает, что с первых месяцев работы в должности директора института он “предпринял усилия по критике теории этноса и модернизации отечественной этнологии, включая ее название, предмет и статус”.

Это было начало оживленной дискуссии на страницах журнала “Советская этнография”/“Этнографическое обозрение”, на конференциях, в кулуарах научных и учебных центров. В формирующемся в ходе дискуссии терминологическом континууме явственно обозначились две категории, которые фактически аккумулировали в себе все разнообразие концептуальных интерпретаций в сфере этнического. По словам С.В. Соколовского, речь шла «о двух проектах, связанных с изучением этнической реальности... которые условно можно определить двумя ключевыми словами: “этничность” и “этнос”» (Соколовский 1994: 4; курсив мой. — В.Ф.). Первое понятие маркировало предметную область нашей науки в пределах конструктивистской (релятивистской) парадигмы, второе было начертано на знаменах тех, кто сохранил верность примордиалистским (позитивистским) истолкованиям “этнических феноменов”.

Соваторы и апологеты научной доктрины, разработанной академиком Ю.В. Бромлеем и его единомышленниками, пытаясь определить понятие “этнос”, неизменно говорили о его якобы “объективных” и одном “субъективном” признаке. Но, как давно уже отметил С.В. Чешко, в этот континуум включались признаки различных социальных общностей, абсолютно реальных, *объективно существующих, но не имеющих никакого отношения к пресловутому “этносу”* (Чешко 1994: 38). Соответственно и “признаки этноса” были признаками чего угодно, но только не искомого мифологизированного сообщества. Именно поэтому эти так наз. объективные признаки никогда и не пытались использовать для этнической диагностики индивидов. Статистически “этноты” конструировались в ходе переписей населения посредством *непонятного* для респондентов вопроса об их национальной принадлежности (этот вопрос просто *не мог быть понятен*, поскольку сами этнологи так и не смогли определиться, что же такое национальность в этническом контексте).

По мере того как этнологи-примордиалисты постепенно вынуждены были застенчиво признавать вполне очевидный факт принципиальной *неэтничности* объективных признаков, все большие надежды возлагали они (не боясь даже впасть в ересь идеализма!) на признак субъективный — *этническое самосознание*. Однако и это никак не могло способствовать спасению теории этноса. Уже в середине 90-х годов прошлого столетия Е.М. Колпаковым был отмечен порочный круг в попытках определить “этнос” через “этническое самосознание”: не зная, что такое “этнос”, мы никак не можем понять, в чем состоит специфика “этнического самосознания”, а не зная, что такое “этническое самосознание”, невозможно понять, что такое “этнос” (Колпаков 1995: 15–16). П.А. Белков убедительно доказал, что теория этноса вступает в кричащее противоречие с формальной логикой и здравым смыслом (Белков 1993: 49). На рубеже минувшего и нынешнего веков в отечественной этнологии *примордиалистские* (био-социальные) интерпретации “этноса” исчерпали себя, стало ясно, что онтологизация этого понятия продемонстрировала свою гносеологическую бесперспективность. Этому способствовала обстоятельная *конструктивистская* критика позитивистской

школы в этнологии. Однако и “релятивистская революция” не оправдала возлагавшихся на нее надежд. Освободив терминологический континуум этнологии от примордиалистских категорий “этнос” и “этническое самосознание”, конструктивисты так и не смогли предложить убедительной концептуализации альтернативных категорий – “этническая общность” и “этническая идентичность”. Оставив один сугубо субъективный признак этнической диагностики – этническую идентичность, – конструктивисты не сумели вразумительно объяснить, в чем же состоит ее этничность. Ведь не зная, что такое этнос, невозможно понять, что такое этническое.

У С.В. Соколовского есть поэтическая метафора:

Этнос не роза и не гвоздь, не тело в мире объективной реальности, а этничность – не душа этого тела (курсив мой. – В.Ф.). И все же в некотором смысле этничность “одушевляет” различные культурные и социальные “тела”, осуществляя посредством “перманентного метемпсихоза” свое вечное странствие в сложной топологии социокультурного пространства (Соколовский 1994: 9).

Красиво, но непонятно. Про культурные и социальные тела – понятно, а вот что именно их одушевляет – нет. Примечательно признание одного из наиболее влиятельных концептуалистов конструктивистских интерпретаций этнического, В.С. Малахова, который заметил, что «если отбросить в сторону мистифицирующие намеки на загадочность и неуловимость этого феномена, “этничность” есть не что иное, как “этническая идентичность”» (Малахов 2001: 108; курсив мой. – В.Ф.). Значит, речь идет об идентификации индивида с этносом? Опять пресловутое этническое самосознание? Значит, опять танцевать от печки, от советской теории этноса, а то и вовсе от сталинской теории нации?

В рассматриваемой статье В.А. Тишкова мы находим справедливое в целом утверждение, согласно которому публикация Ф. Барта “оказала мощное и разностороннее влияние на изучение феномена этничности”. В основу конструктивистской концептуализации было положено утверждение норвежского антрополога, согласно которому “этничность” – это форма социальной организации культурных различий (Barth 1996: 75–82). В соответствии с этим в российской традиции этническую идентичность принято трактовать как “индивидуальное соотношение личности с культурно-отличительной общностью” (Тишков 2003: 98). Но ведь этническая идентичность может субъективно осознаваться только при соотношении с этнической группой; соотнося себя с культурной группой, индивид формирует культурную идентичность, причем (что очень важно!) *по тем или иным элементам культуры*. Если же культурная и “этническая” идентичность – *суть одно и то же*, то зачем придумывать новые термины для старых понятий? Во всяком случае, этничность культуры надо специально доказывать! А для этого надо как минимум определить “этничность” не через культуру.

Кроме того, так же, как не существует этносов, не существует и культурно отличительных групп. Уточним, слово “культура” в латинском языке – антоним слова “натура” (природа) и, соответственно, под культурой принято понимать все то, что создано в результате человеческой деятельности. Культура с точки зрения ее содержания распадается на множество элементов. При этом по *разным элементам культуры* можно вычленять *самые разнообразные социальные группы*, но статистические границы и персональный состав никогда *не совпадут* в группах, выделенных пусть даже по двум различным основаниям (т.е. элементам культуры), так же, как совокупность таких групп никогда не совпадет с тем конструктом, который этнологи-примордиалисты маркируют как “этнос”, “этническую группу”, “этническую общность” или еще как-нибудь.

Определение “этнической идентичности” или синонимичной ей “этничности”, в свою очередь, возможно только при условии определения базового для них понятия – “этноса”. Именно этого не смогли и не смогут сделать ни конструктивисты,

ни примордиалисты за неимением эмпирического опыта, соответствующего этому понятию.

Затяжной теоретико-методологический кризис, переживаемый этнологией, связан, как это ни парадоксально, с нежеланием признать *иллюзорность специфического для этой дисциплины объекта изучения*, признать тот факт, что этноса в примордиалистской интерпретации или этничности в конструктивистском смысловом поле нет и никогда не существовало. Лучшим подтверждением этому служит то, что этнологи так и не смогли предложить *сколько-нибудь удовлетворительное определение понятия “этнос” и производного от него понятия “этничность”*.

В заключение обращаю внимание на одно любопытное замечание В.А. Тишкова: “Этнос российских антропологов (именно тут место этому греческому слову, обозначающему любые живые и мертвые сообщества!) не составляет здесь исключения”. Таким образом, автор освобождает понятие “этнос” от привычных нашему уху коннотаций и предлагает использовать его для обозначения каких угодно живых и мертвых сообществ! Вот уж действительно неожиданно. Ведь называя этносом антропологов, космонавтов или сапожников, мы будем обязательно указывать, какой именно этнос мы имеем в виду (например, этнос сапожников). Иначе смысл сказанного будет абсолютно неясен. Почему бы не говорить просто и понятно: сапожники, антропологи...

© П. Швайцер

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ ИЗ-ЗА РУБЕЖА

В комментируемой статье В.А. Тишков предложил свой “персональный взгляд” на развитие российской этнологии в последние десятилетия. Как мы можем понять из его рассуждений во вводной части статьи, “персональным взглядом” автор предпочел назвать настоящий текст из стремления показать, что он не претендует на полноценный обзор дисциплины. Хотя данная оговорка звучит вполне резонно, она в то же время вряд ли убедительна, если учесть, какую огромную роль автор играл в том самом развитии этнологии, о котором он пишет. Поскольку его персональный взгляд является взглядом директора, возглавлявшего Институт этнологии и антропологии РАН в период с 1989 по 2015 г., и взглядом научного руководителя-консультанта этого института в текущий период, он все-таки более или менее соответствует той “руководящей линии”, что имела определяющее воздействие на направление движения российской этнологии и антропологии в последние 30 лет.

А потому имеет смысл рассматривать данную статью как своего рода “резюме” того огромного влияния, которое В.А. Тишков оказывал и продолжает оказывать на этнологическую/антропологическую дисциплину в России. Первые годы, проведенные

Петер Швайцер | <https://orcid.org/0000-0003-1526-1900> | peter.schweitzer@univie.ac.at | Ph.D., профессор Института культурной и социальной антропологии | Венский университет (Universitätsstraße 7, 1010 Vienna, Austria)

В.А. Тишковым на посту директора ИЭА РАН, были временем радикальных социальных перемен. Как зарубежный антрополог, в 1986 г. впервые соприкоснувшийся с миром советской этнографической науки (который в то время был еще относительно замкнутым), я оценивал эти перемены как позитивные, поскольку, среди прочего, они означали то, что зарубежным ученым станет наконец гораздо проще проводить полевые исследования в России. В этом смысле мое первое долговременное полевое исследование на Чукотке было прямым результатом деятельности нового институционального руководства на улице Вавилова. Хотя новая позиция открытости по отношению к зарубежной науке и критического настроения по отношению к советскому прошлому приветствовалась западными антропологами (позиция эта была отражена, в частности, в статьях: *Tishkov* 1992; *Tishkov* 1992), она вызвала неоднозначную реакцию как в кругах советской этнографии, так и в более поздних кругах российской этнологии. Поэтому более умеренный тон публикаций В.А. Тишкова конца 1990-х годов (напр.: *Tishkov* 1998) — менее критичный по отношению к “традиционной советской этнографии” — в целом можно понять. Проведя несколько месяцев на посту министра по делам национальностей в 1992 г., В.А. Тишков, видимо, пришел к осознанию, что академические дискуссии и политические дебаты не так просто свести воедино (*Tishkov* 2019). В то же время он сумел наметить и определить эффективные способы коммуникации с неакадемической аудиторией, не принося при этом в жертву качество и содержание научной информации (см., напр.: *Тишков* 2019а).

Статья начинается с отсылки к известному сборнику под редакцией Ф. Барта (*Barth* 1969), с момента выхода которого в прошлом году исполнилось столетие, а также к новой публикации, приуроченной к 50-летию этого сборника (*Eriksen, Jakoubek* 2019). Данная отсылка как бы предвосхищает тот круг вопросов, который будет далее находиться в центре внимания в статье, а именно проблемы изучения этничности. Если учесть ту позитивную роль, которую В.А. Тишков сыграл в движении от советской этнографии к российской этнологии (или антропологии) в целом и от изучения этноса к изучению этничности в частности, то совершенно не удивительно, что автор предпочитает фокусироваться именно на данном круге вопросов и не затрагивать другие.

В ходе статьи перечисляются многие коллеги-антропологи — в основном те, кто работают или работали в Москве, — но отмечаются и отдельные представители из других регионов. Хотя, безусловно, вряд ли был бы смысл в том, чтобы перечислять всех, кто только проводил качественную исследовательскую работу в последние два-три десятилетия, все-таки бросается в глаза отсутствие некоторых важных для российской дисциплины организаций — таких как, например, Европейский университет в Санкт-Петербурге или Томский государственный университет, где действуют кафедра антропологии и этнологии и лаборатория социально-антропологических исследований. Имея более чем 30-летний опыт сотрудничества с советскими/российскими учеными и конкретного участия в разнообразных проектах с представителями советской/российской этнографии/этнологии/антропологии, должен констатировать, что эти “новые” организации оказались способными впитать и взять на вооружение современные методы и подходы быстрее, чем “старые” организации советского периода. В любом случае и те и другие — и старые и новые организации — в последнее время испытали определенные изменения, связанные со сменой поколений, и впитали уже иные понятия о том, чем должна быть дисциплина на современном этапе. Линия продолжения советских традиций, однако, все равно присутствует — что, сразу отмечу, ни хорошо, ни плохо само по себе. Если бы я сегодня попал в Кунсткамеру или ИЭА РАН как зарубежный аспирант, то, полагаю, мой опыт отличался бы от опыта аспиранта, переступившего порог этих учреждений в 1986–1987 гг. Отличий было бы много, и они касаются не только менее настороженного отношения к иностранцу сегодня,

но, что гораздо более важно, наличия чувства общих тем, общего языка в коммуникации с коллегами. Хотя, уверен, что были бы и отдельные области, в которых взаимопонимание все равно осталось бы сложным и ограниченным.

Этот момент подводит меня к вопросу о том, что было и что не было затронуто в статье. Ведь кроме упомянутых сфер изучения этничности и некоторых связанных с последними областей (как, например, “этноконфликтология” или “этнополитика”) есть и другие субдисциплины или направления, которые стали довольно успешно развиваться в постсоветское время – в частности, юридическая антропология. Не получили должного внимания в статье и отдельные тематические рубрики или предметные поля, относительно которых в последние годы велись активные дисциплинарные дискуссии: постгуманизм, онтологический поворот, антропология окружающей среды, этнография инфраструктуры и т.д. Даже если считать, что в российском контексте исследования в этих новых областях еще не вышли на соответствующий уровень, то во всяком случае было бы уместно озвучить те области, в которых были действительно достигнуты успехи, будь то исследования по семиотике и фольклору, исследования повседневности и устной истории, исследования в сфере антропологии природных ресурсов и социально-экологических вопросов. Да, конечно, еще раз упомяну сделанную В.А. Тишковым оговорку, что статья не претендует на полноценный обзор дисциплины, но дело в том, что российская антропология сегодня достаточна широка по охвату и полный ее обзор в рамках статьи был бы невозможен по определению, вне зависимости от того, претендовать на таковой или нет. Мне бы лично хотелось, чтобы директор, находившийся у руля руководства ИЭА РАН в течение стольких лет, все-таки постарался включить в свой “персональный” обзор существенно большее число тем и направлений работы, представленных в сегодняшней российской антропологической дисциплине в целом (и даже в подведомственной ему организации в частности).

На меня произвели несколько двойственное впечатление рассуждения в заключительной части статьи (“Что на горизонте?”). Здесь В.А. Тишков обращает свое внимание на “нынешний кризис в антропологии”, диагностируя его, с одной стороны, как проявление “разговоров о кризисе”; с другой – как проявление кризиса дисциплины “самой по себе”. Хотя это выражено не совсем четко и ясно, выглядит так, как будто бы автор считает кризис порождением постмодернистского и постколониалистского дискурсов. Иными словами, похоже, что кризис связывается не с социальной и культурной динамикой постколониального (в значительной степени) мира, которая объективно преопределила этот кризис, а с неоправданным самобичеванием дисциплины, продолжающемся в то самое время, когда объекты ее изучения – различные культуры и общества – уже научились успешно совмещать традицию с модернизацией. Несмотря на то что я разделяю мнение В.А. Тишкова о том, что в дисциплине последних десятилетий наблюдается некоторая передозировка неконструктивной самокритики, все же возвратиться в эпоху *do* “Writing Culture” уже совершенно невозможно, как невозможно и питать иллюзии на предмет того, что классическая социальная/культурная антропология сегодня продолжала бы успешно существовать на прежних позициях, если бы она только не вверглась в этот дискурсивный кризис (созданный искусственно). Критика, высказанная В.А. Тишковым в адрес полилокальной этнографии (*multi-sited ethnography*), с которой он, в частности, связывает проблему междисциплинарности в исследованиях (по крайней мере, угрозу получения “внедисциплинарности” на их выходе), также вызывает возражения. Я согласен, что каждому антропологическому исследованию не нужно быть междисциплинарным и не нужно быть основанным на принципах полилокальной этнографии; однако считать междисциплинарность и принципы полилокальной этнографии неперспективными на этом основании было бы тоже непродуктивно, особенно учитывая, что и то и другое с успехом находили и находят себе применение в столь многих проектах последних лет как

в России, так и за рубежом. В.А. Тишков не соглашается с выводами С.В. Соколовского об “иллюзии благополучия” российской дисциплины и ее расколотости на два плохо связанных между собой “проекта” (прикладной политической этнологии и более традиционной этнографии) (Соколовский 2009, 2014). С выводами С.В. Соколовского, действительно, можно спорить, и можно подвергать их критике. Однако они заслуживают внимания, и их стоит обсудить. В.А. Тишков, к сожалению, говорит нам, что с ними “невозможно согласиться”, но не говорит нам аргументированно, почему.

Суммируя все вышесказанное, повторю, что данная статья – важное свидетельство тенденций развития постсоветской этнологии/антропологии, ибо в ней обозначены сферы, имевшие приоритет в российской дисциплине последней четверти века, и в то же время не обозначены сферы, считавшиеся приоритетными в других этнологических/антропологических традициях. А потому мы все-таки получаем определенную картину не только того, “что было” и “что есть”, но и того, что гипотетически “могло бы быть”. И хотя, наверное, уже следующему поколению руководителей российской этнологии/антропологии придется определять, на какие из мало представленных прежде сфер нужно будет обратить первостепенное внимание как на наиболее актуальные на следующем этапе, нет сомнения, что во многом благодаря деятельности В.А. Тишкова в описываемый период российской дисциплине открылась дорога в современное мировое антропологическое сообщество.

Пер. с англ. А.Л. Елфимова

© В.А. Тишков

ОТВЕТ ОППОНЕНТАМ

Крайне признателен за отклики-замечания на мою статью и с удовольствием отвечаю на них. Мои ответы следуют в произвольном порядке.

А.В. Головинёв: Общий посыл о современной размытости и подвижности не только самой “антропологической реальности”, но и сопровождающих ее научных теорий, мне импонирует. Метафора З. Баумана “текущая модерность” здесь очень кстати. Однако я бы хотел предупредить насчет возможной неразборчивости или всеядности в подходе к теоретическим концептам, которые прослеживаются в нынешних публикациях антропологов и этнологов. Чаще всего они – от незнания теоретико-методологических основ нашей дисциплины, и причина им – либо пропущенные уроки в период получения образования, либо крайне однобокое преподавание. Но есть здесь и намеренное пренебрежение теорией, абсолютизация описания в духе “как было” или “как видел”. В итоге исчезает понимание того, *что* есть научный текст, а тем более – в какой или в каких научных парадигмах он написан. И нынешние энтузиасты “экспериментальной антропологии” вполне серьезно могут предлагать для публикации в академической серии “Этнографическая библиотека” книги американского писателя Д. Шульца, не видя разницы между его “приключениями про индейцев” и работами Л.Г. Моргана, К. Леви-Строса, М. Мосса, Э. Дюркгейма, С.М. Широкогорова и других авторов, представленных в этой библиотеке. В данном случае пренебрежение (или незнание) теоретических основ дисциплины грозит вырождением самой научной дисциплинарности, снижением профессионализма, о чем, в частности, пишет в своем отклике О.Ю. Артемова.

Еще один момент в высказывании А.В. Головнёва привлекает мое внимание. А именно то, что к современным концепциям следует относиться ситуативно, ибо “реальностью”, как он пишет, “стала диффузия теорий и методов, в чем проявляются не пресловутые двойные или тройные стандарты, а возможности применения различных методов в соответствующих исследовательских ситуациях”. Как и А.В. Головнёв, я также склонен (цитирую его далее) “рассматривать любой метод не как символ веры или смирительную рубашку, а как рабочий инструмент, используемый по назначению”. О своей приверженности методологическому плюрализму я заявил более 20 лет назад и вполне комфортно работал между “примордиализмом” и “конструктивизмом”, хотя когда-то давно в энциклопедической статье опрометчиво записал себя вместе с К. Гирцем в число конструктивистов. Сделал это, чтобы не унижать тогдашнюю отечественную этнологию отсутствием сторонников данного направления. Кстати, в тексте А.В. Головнёва обнаружил К. Гирца уже в числе примордиалистов. Подлинному научному творчеству действительно может быть тесно в рамках однозначных концепций, но это, тем не менее, не означает, что можно вовсе отказаться от концептуальности. В последней и заключается сама суть научного анализа, а заодно — различие между этнологией и этнографией.

М.М. Балзер позиционирует себя жестко на стороне нативистской антропологии вплоть до корректировки моего обозначения “якутские” (под которым я имел в виду местных ученых) на “саха-этнологи”. Я и сейчас считаю, что “политкорректность” здесь не особенно уместна. Для меня в равной мере употребимы и легитимны как названия, данные внешними акторами (путешественниками, колонизаторами или соседними племенами), так и те, что относятся к категории “самоназваний”, т.е. якуты — саха, эскимосы — инуиты, атапаски — дене, ирокезы — хауденосауни, лопари — саамы и т.д.

Симпатии и поддержку со стороны М.М. Балзер и других западных коллег в отношении региональных (или “аборигенных”) ученых и студентов я приветствую, и ничего уничижительного в упоминании этой поддержки в моей статье не содержалось и не подразумевалось. Но от своей критики ограниченности нативистской антропологии и ее политизированности я не отказываюсь. Справедливость этой критики лишней раз подтверждается сюжетом с процедурой переписи населения в России, о котором упоминает М.М. Балзер. Принцип двухступенчатой категоризации этничности “группа—подгруппа” был предложен именно мною еще в переписи 2002 г., что позволило отразить в переписи малые (или сложные) идентичности без уменьшения численности “больших” групп. Так, в постсоветских переписях 2002 и 2010 гг. появились кряшены как отдельная форма групповой идентичности среди татар (до этого их записывали татарами), среди русских появились казаки и поморы, а среди аварцев и даргинцев — 14 малочисленных народов Дагестана. Однако, к неудовольствию титульных групп, озабоченных исключительно собственным ростом, вопрос такой категоризации остается открытым: совсем недавно мне пришло письмо от проживающих в Удмуртии кряшен, которые категорически не желают числиться подгруппой среди татар, а стремятся к получению самостоятельного статуса “народ России”. Так что, если быть последовательно *pro-minority*, тогда все равно придется “отщипывать” от численности нынешних татар тех немногих, кто не желает быть татарами. Кстати, выделения в качестве “самостоятельного этноса” требуют и некоторые активисты среди российских казаков и поморов.

Я считаю, что жестко националистические установки так наз. титульных групп в российских республиках, нацеленные на то, чтобы не признавать малые или сложные идентичности, заслуживают критического отношения этнологов. Эти установки снова проявились при подготовке переписи населения 2020 г. Наши западные коллеги не желают разбираться в этом вопросе и участвовать в сложных дебатах, предпочитая прочитывать ситуацию исключительно под углом неоимперского клише

и мнимой угрозы русского шовинизма. Татарский, аварский или якутский национализмы (в том числе проявляющиеся и в форме шовинизма в отношении более малочисленных групп) их не смущают. Безоглядная поддержка вооруженного сепаратизма и терроризма в Чечне в свое время их ничему не научила.

Последнее замечание М.М. Балзер касается языковой ситуации и языковой политики. Это как раз одна из сфер нашей дисциплины, где пока не произошли необходимые, с моей точки зрения, ревизии. Мои последние статьи в связи с самосожжением удмуртского ученого и этноактивиста А.А. Разина еще раз обозначили эти проблемы. Необходимо разрушить жесткую связку “язык—этнос” и относиться к языкам как к культурным системам, которые заслуживают сохранения и поддержки, как заслуживают признания и поддержки этнические культуры и образующие на их основе общности. Но действующие, в том числе и закрепленные в российских законах, понятия “национальные языки”, “языки народов” выглядят анахронизмом, и этот старый словесный арсенал плохо подходит для ситуаций, когда подавляющее большинство сегодняшних носителей той или иной этничности говорит на одном языке, а “их” языком считается другой. Отсюда же необходимость пересмотреть мутную, но ставшую почти сакральной категорию “родной язык” в пользу более операционального и принятого в остальном мире понятия “материнский” или “первый язык”. Наконец, нужно признать право гражданства на указание двух или более “первых языков” в случае полного дву- или трехязычия.

Таковы мои установки, которые не имеют отношения к “неоколониальной политике”, о которой упоминает М.М. Балзер. Они имеют отношение к реализации права личности или групп на языковой переход, на добровольную языковую ассимиляцию в пользу более многообещающего и престижного языка. Такова общемировая норма языковой жизни, и такова общепринятая правовая норма языковой политики. Почему не признать выбор в пользу русского языка, который сделали еще предыдущие поколения значительной части нерусского населения страны?

В.Р. Филиппов в своей краткой реплике осуществил двойную ревизию — он постулировал иллюзорность не только этноса, но и этничности:

Определение “этнической идентичности” или синонимичной ей “этничности”, в свою очередь, возможно только при условии определения базового для них понятия — “этноса”. Именно этого не смогли и не смогут сделать ни конструктивисты, ни примордиалисты за неимением эмпирического опыта, соответствующего этому понятию.

Причина продолжающегося кризиса этнологии, по его мнению, это “иллюзорность” объекта изучения — “этноса” в примордиалистской интерпретации или “этничности” в конструктивистском смысле. Их, пишет В.Р. Филиппов, никогда и не было в реальности, и поэтому (цитирую его далее) «этнологи так и не смогли предложить сколько-нибудь удовлетворительное определение понятия “этнос” и производного от него понятия “этничность”».

Что здесь не совсем так? Во-первых, “этничность” не есть производное от “этноса” — скорее, наоборот. Если “этнос” можно считать синонимом “этнической общности” или “этнической группы”, тогда этнос есть производное от этничности — феномена культурной отличительности, при коллективном осознании которой и может появиться группа (общность), а может и не появиться. Факт осознанности (через социальную среду и предписание/индоктринацию) соотношения себя с определенной этничностью (культурно отличительным комплексом) отрицать невозможно, и именно осознанность (самосознание) есть то главное, что превращает различия (как давние и явные, так и конструируемые, порою — иллюзорные) в коллективность, т.е. реифицирует (вызывает к жизни) группу.

В современной мировой науке категория этнической общности (группы) – действительно одна из уязвимых. Так могут обозначать группы меньшинств вне “основного населения”, расово отличных людей (обратите внимание на язык листовок-инструкций к некоторым лекарственным препаратам!), конфессиональные и прочие выделяющиеся культурной схожестью и отличительностью людские сообщества. Но там, где эта реификация обрела мощную научную, историческую, территориальную, политико-правовую, эмоциональную легитимацию, там демонтаж категории этнической общности практически невозможен. Даже перегруженная теоретическим мусором категория “этнос” сохраняет свою живучесть, почти уйдя из научного багажа его российской этнологической прародины, но оставаясь в научном языке других дисциплин и в лексиконе политиков стран бывшего СССР, включая таких лидеров, как Владимир Путин, Нурсултан Назарбаев, Ильхам Алиев. Из-за этой живучести я и предложил растворить термин в его изначальном расширительном значении: в Древней Греции, например, был “этнос мертвецов” (*ethnos tanatos*); биологи называют “этносом” птичьи сообщества (напр., чаек), гнездящиеся исторически в каком-то одном месте. В целом я не сторонник чрезмерной одержимости дебатами вокруг дефиниций. Эта одержимость является, на мой взгляд, проявлением слабости методологии. О дефинициях ученые договариваются.

Д.Дж. Андерсону и Д.В. Арзютову: Мои новые оппоненты мне мало знакомы. Возможно, их последняя книга про *этномышление* была мною недостаточно внимательно прочитана. Однако предложенные комментарии к моей статье мне нравятся своей образностью и перечнем затронутых проблем. Меня поразила проделанная ими подсчет употребления в статье (278 раз) разнообразных вариантов приставки *этно-*. Мои оппоненты пишут:

Такой *этно-*эффект может быть понят как своеобразное поглощение этнических категоризаций и попытка выстраивания российской этнографии/антропологии на фундаменте весьма отличном от ее зарубежных родственников – социальной и культурной антропологии. Более того, российский кризис все еще преодолевается через продолжающиеся наступательные операции “конструктивистов” на, как может показаться на первый взгляд, плохо оснащенную и морально устаревшую армию “примордиалистов”.

В моей статье, действительно, речь идет преимущественно о российской этнологии, и выросшая в России за последние 30 лет социально-культурная антропология осталась по большей части вне поля зрения. При этом не могу отказать себе в удовольствии упомянуть свои инициативы по утверждению в ИЭА РАН и в стране таких субдисциплин, как юридическая, гендерная, городская, медицинская антропологии. В последнее время к ним добавились также антропология медиа и антропология жизненных смыслов.

На посту директора института мне нравилось начинать и придумывать проекты, из которых вырастали новые направления и их лидеры. Но подобное происходило и за пределами института, и не только ИЭА РАН определял облик новой российской антропологии и этнологии, хотя авторитет института общепризнан. Возможно, лично я во многом остался в объятиях этничности в результате курирования серии “Народы и культуры”. Д.Дж. Андерсон и Д.В. Арзютов правы в том, что в содержательном плане многое в ней вышло из-под контроля ее редактора. Действительно, возник какой-то эффект “двойного послания”: своими собственными трудами я старался хоронить советский этнопримордиализм, но частью своих научно-организационных усилий вместе с тем соорудил объемную нишу для так наз. традиционной этнографии.

Я и соредакторы томов серии не ставили целью написать “этнографию народов” с близких лично мне конструктивистских позиций. Мы стремились дать наиболее полный свод историко-этнографических знаний о народах России и сопредельных

стран, используя ресурсы коллективов этнографов в российских регионах и в странах бывшего СССР. Главной трудностью было обеспечить должный профессиональный уровень текстов и преодолеть воздействие ревизий в духе постколониалистской парадигмы в новых национальных научных школах. В целом это удалось сделать. Сейчас 40-томная серия “Народы и культуры” фактически завершена. В свете развития мировой ситуации этот проект уникален. Что-то похожее в 1970–1980-е годы делали канадцы по истории этнических групп страны. Затраченные за четверть века усилия оправданны, а результаты этой работы будут еще долго востребованы, как когда-то была востребована многотомная серия Института этнографии “Народы мира”. Конечно, с точки зрения современной антропологии тексты нашей серии могут выглядеть старомодно. Поэтому новому поколению ученых надо подумать о новом крупном проекте (или нескольких проектах), обобщающем фундаментальные знания в рамках современных приоритетов и запросов. А может быть, и не надо гнаться за крупными проектами, особенно если многие тексты теперь “уйдут в цифру”.

Едва ли новизну следует искать в истории этнологической мысли, в некоторых неизвестных или забытых страницах интеллектуального прошлого. Не думаю, что там можно найти полезные для будущего науки прорывные откровения и что запоздалое прочтение “Психоментального комплекса тунгусов” С.М. Широкогорова выведет нас на новые горизонты. В “Этнографической библиотеке” такое издание будет полезным, но не более того.

В равной мере я не разделяю восторженные оценки по поводу некоего “золотого века” советской этнографии. В 1920–1930-е, 1940–1950-е, 1960–1980-е годы были яркие авторы и некоторые достижения. Но будем объективными: ни один их этих периодов не может сравниться по своему проблемному и теоретико-методологическому разнообразию, а также по объему произведенной научной продукции и накопленному новому знанию с последними тремя десятилетиями. Именно это было главным, что мне хотелось сказать, и я удовлетворен, что никто из оппонентов не стал оспаривать этот вывод и доказывать, что нынешнее поколение переживает все-го лишь “видимость благополучия”.

И уж совсем невозможно согласиться с Д.Дж. Андерсоном и Д.В. Арзютовым относительно “продолжающегося кризиса” в российской этнологии/антропологии. Скорее, можно говорить о назревшей смене поколений, которая пришлась на период нового директорства в ИЭА РАН и в МАЭ РАН. В московском институте уже расчистили углы и коридорные закоулки от ранее опубликованных книг, отправив их на утилизацию. Осталось только написать новые. И это надо будет сделать обязательно, ибо наша наука развивается не благодаря погоне за наукометрическими показателями (зачастую имитационными по своей сути), а благодаря фундаментальным монографическим и коллективным трудам.

П. Швайцеру я благодарен за позитивные оценки и добрые слова в мой адрес, ибо они важны для ученого, который “уже с ярмарки”, т.е. подводит некоторые жизненные итоги и, конечно, думает о том, какое он оставляет научное наследие. Тем более что по причине тогда еще юношеской усталости от работы в Магаданском пединституте в 1960-е годы, как и из-за постоянных административных обязательств впоследствии, у меня не было возможности вести активную преподавательскую деятельность и готовить “себе подобных” или создавать свою “научную школу”. Довольно странно, но многие годы, иницируя и организуя научные проекты и корпоративные сообщества, в собственном творчестве я ощущал себя, скорее, “одиноким волком”, порой скрыто или даже открыто гонимым. Достаточно упомянуть серию статей некоего “философа этноса” С.Е. Рыбакова в журнале “Этнографическое обозрение” и поддержанную некоторыми институтскими корифеями его докторскую диссертацию, которые не содержали ничего, кроме огульной критики “непатриотичного конструктивизма” В.А. Тишкова. Если к этому добавить скудную рецензию на мою

важную книгу “Реквием по этносу” (точнее, всего лишь на первый ее абзац), то становится ясно, что ни о каком моем личностном или концептуальном доминировании в нашей науке говорить не приходится. Но ревизионистский вызов был моим собственным выбором, как и моя позиция — давать свободу другим, но отстаивать и свое право на отличительность. Уверяю читателя, что в первые годы моей деятельности было не очень комфортно слышать упреки со стороны влиятельных коллег: “Как может директор Института этнографии отрицать существование самого предмета этой науки — этноса?”

П. Швайцер считает, что при освещении проблем и направлений российской науки я мог бы взять горизонт пошире, а также упомянуть новые институты, организации и самые последние дискуссии. Но тогда это была бы, скорее, обзорная статья, а такого рода тексты я уже практиковал, например, в соавторстве с Е.А. Пивневой (Тишков, Пивнева 2010), а также писал их для “Большой российской энциклопедии”. Здесь же для меня главной была не столько тематика социально-культурной антропологии, сколько этнология и суть ее парадигмальных трансформаций. Поскольку я слежу как за “старыми”, так и за “новыми” институтами и организациями, должен сказать, что далеко не всегда последние оказываются первыми в освоении новых подходов и тематик. Например, наша “праматерь” — Кунсткамера выдает в последнее время реально современных работ больше, чем какие-либо патентованные российские “европейцы” или новые университетские центры. Ничего особо выдающегося в нашей дисциплине не произвели за последние два десятилетия ни “Вышка”, ни “Шанинка”, хотя, да, тематическая свежесть вместе с гонором там могут проявляться в большей степени, особенно по части так наз. междисциплинарности. Я уважаю и поддерживаю междисциплинарность, но обеспечение фундаментальной дисциплинарности для меня всегда было и остается более важным.

Наступила ли для российской антропологии и этнологии эпоха “общего языка в коммуникациях” с остальной мировой наукой? Этот вопрос остается открытым. Конечно, сегодняшняя ситуация радикально отличается от той, что была 30 лет тому назад. Но старые прописи до сих пор не отпускают многих моих коллег, а некоторые даже грезят возрождением этноса и народоведения. Я согласен с П. Швайцером, что возврат ко времени *до* “Writing Culture” сейчас трудно себе представить. Но обновление языка науки как концептуального отражения мира у нас далеко не завершено. Для этого даже не нужно читать тексты, а достаточно посмотреть лишь на “ключевые слова”, которые используют коллеги, и попробовать перевести их на английский язык для гипотетической публикации статьи в зарубежном “высокореинговом” журнале. Вот тогда станет очевидной непереводимость таких понятий, как “родной язык”, “национальный язык”, “этнический процесс”, “национальная политика”, “национальность”, “нация”, и всех производных от этих слов. Даже “этнос” для зарубежного читателя Д.Дж. Андерсон и Д.В. Арзютов перевели как обычную кальку с русского — *ethnos*, понимая, что грамотно написанный термин *ethnos* мало о чем говорит мировому читателю. Здесь нам многое еще предстоит переосмыслить и освоить, коли до сих пор на уроках обществознания школьникам рассказывают про “племя-народность-нацию” и про нацию как “высшую стадию в развитии этноса”.

П. Швайцер упрекнул меня в том, что я не сказал, почему не принимаю оценку состояния нашей науки как “видимость благополучия”. Да хотя бы по тривиальной причине уязвленного самолюбия: каждый имеет право на защиту содеянного, а мы отдельно и сообща столько “натворили” за последние два-три десятилетия, что просто так отбросить это наследие было бы неправильно, а по отношению к уходящему поколению — даже не очень корректно. В науке нельзя следовать принципу подсебно-огневой системы ведения хозяйства, и перемены невозможны без преемственности.

Замечания О.Ю. Артемовой оказались для меня особенно интересными, ибо дают возможность выстроить еще одно обобщающее суждение о нашей дисциплине.

В науке далеко не всегда происходят тотальные смены парадигм, и не всегда смена поколений приводит к радикальной смене исследовательской повестки. В силу разных обстоятельств (включая сюда характер отдельных ученых, их приверженность предмету или методу своих штудий) в науке сосуществуют разные школы и методологии, как “новые”, так и “старые”. Новые чаще всего утверждают себя не за счет разрушения старых, потенциал которых сохраняется и даже может заново актуализироваться. И наоборот, новизна может оказаться краткосрочной или даже несостоятельной при более неторопливой проверке ее критикой и временем.

Не стоит забывать, что некоторые ученые всю жизнь работают над одной темой и добиваются (или не добиваются) в ней успеха. Другие меняют не только темы, но даже и дисциплинарную специализацию. Я оказался в числе последних и прошел через все трудности таких переходов. От того, что современные российские канадоведы считают меня одним из зачинателей этого направления, а американцы используют мои работы по истории профессии в США, мне несколько не легче было утверждаться в области отечественной этнографии/этнологии. Удивленное восклицание Винни-Пуха «Какой-то кролик знает букву “А”?!» в иносказательной форме звучало в мой адрес неоднократно, и завоевание внимания и авторитета среди коллег потребовало многих усилий, не говоря уже об утверждении репутации в более широкой общественной среде. Так что О.Ю. Артемова справедливо отметила это обстоятельство в моей жизненной карьере, а я в свою очередь признаю ее обоснование принципа “пусть цветут все сто цветов”.

Однако есть одно несогласие. Признание того, что разные научные парадигмы вполне могут вести параллельное существование, еще не означает того, что они полностью равнозначны (хотя есть и такой вариант научного релятивизма), как не означает и того, что необходимо отказаться от оценочной иерархии. Немецкий романтизм XIX в. с его трактовкой “духа народов”, позитивизм и примордиализм XX в. в оценке культурных явлений — это прожитые, прошлые парадигмы, и они не могут быть равнозначными в теоретико-методологическом арсенале современного гуманитария. Попытки в начале 1990-х годов вернуть из забвения “этнопсихологию” Г.Г. Шпета или “культурно-исторические типы” Н.Я. Данилевского ничем хорошим не кончились. Все эти имена и теории надо проходить на вводных университетских курсах, чтобы двигаться дальше. Так и с якобы не выходящими из моды подходами, которые О.Ю. Артемова получила в наследство от своих учителей В.Р. Кабо и А.И. Першица и в русле которых она успешно работает. Однако при всем уважении к работам В.А. Попова по системам родства, должен констатировать, что ничего выдающегося в этой области им не было сделано, а мой реверанс с обозначением этой темы как заглавной для конгресса в Казани я считаю ошибкой. В равной степени не критическое обращение А.В. Коротаева к материалам “Этнографического атласа” П. Мердока и анализ на их основе структурных элементов культурных явлений отдают явным анахронизмом, хотя у этих занятий еще могут быть некоторые сторонники и среди западных коллег, как они есть, например, и у социобиологии в ее разных ипостасях. Да, действительно, Д.М. Бондаренко и Н.Н. Крадин работают в сфере политической антропологии, но далеко не в ее классическом варианте — антропологии некогда придуманных Л.Е. Куббелем “потестарных сообществ”, а в русле современного традиционализма или даже модернизма.

Что касается оценок работ С.В. Соколовского по части состояния дисциплины, то здесь я солидарен с О.Ю. Артемовой. Насколько помню, уже мои первые статьи почти 30-летней давности вызвали вопросы и сомнения у этого автора и его единомышленников, которые публиковались в “этнометодологических” сборниках, выходявших под его редакцией и с его участием. Это мой постоянный критик и инициатор ряда новых тем в период прожитого нами совместно этапа в истории науки. Я позитивно отношусь к таким интеллектуальным оппонентам. Иначе не

стал бы рекомендовать С.В. Соколовского на должность главного редактора ведущего журнала в нашей дисциплине. Но согласиться с его оценкой этого прожитого этапа как неблагоприятного никак не могу.

Научная литература

- Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2001.
- Аржанцева И.А. Хорезм. История открытий и исследований. Этнографический альбом. Ульяновск: Артишок, 2016.
- Артемова О.Ю. Академические исследователи в высшей школе (из опыта двадцати лет работы) // XIII Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Казань, 2–6 июля 2019 г. / Отв. ред. М.Ю. Мартынова. М.; Казань: ИЭА РАН; КФУ; Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. С. XXXVI–XLIII.
- Артунов С.А. и др. (ред.) Этнологический словарь. Вып. 1. Этнос. Нация. Общество. М.: ВИТТАН, 1996.
- Барт Ф. (ред.) Этнические группы и социальные границы: социальная организация культурных различий. М.: Новое изд-во, 2006.
- Белков П.А. О методе построения теории этноса // Этнос и этнические процессы. Памяти Р.Ф. Итса / Под ред. В.А. Попова. М.: Восточная литература, 1993. С. 48–61.
- Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Изд. дом “Высшая школа экономики”, 2012.
- Геллнер Э. Нации и национализм / Пер. с англ., ред. И.И. Крупника. М.: Прогресс, 1991.
- Гириц К. Интерпретация культур. М.: РОССПЭН, 2004.
- Головнёв А.В. Ящик с инструментами, или о методах антропологии // Universitas historiae. Сб. ст. в честь Павла Юрьевича Уварова / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: ИВИ РАН, 2016. С. 549–556.
- Головнёв А.В. Этнография в российской академической традиции // Этнография. 2018. № 1. С. 6–39. <https://doi.org/10.31250/2618-8600-2018-1-6-39>
- Губогло М.Н. Развивающийся электорат России: этнополитический ракурс: В 2-х т. М.: ИЭА РАН, 1994.
- Губогло М.Н. Может ли двуглавый орел летать с одним крылом? Размышления о законотворчестве в сфере межэтнических отношений. М.: ИЭА РАН, 2000.
- Губогло М.Н. Идентификация идентичности. Этносоциологические очерки. М.: Наука, 2003.
- Губогло М.Н. Междисциплинарные исследования в контексте социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2005.
- Екеев Н.В. (ред.) Алтайцы: этническая история, традиционная культура, современное развитие. Горно-Алтайск: НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова, 2014.
- Иникова С.И. (ред.) Русские Рязанского края: В 2-х т. М.: Индрик, 2009.
- Колтаков Е.М. Этнос и этничность // Этнографическое обозрение. 1995. № 5. С. 13–23.
- Крюков М.В., Зельнов И. (ред.) Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы. М.: Наука, 1988.
- Кузнецов А.М. Кто вы, профессор Широкогоров? Или, осторожно – фальсификация // Вестник антропологии. 2017. № 4. С. 107–118.
- Лотман Ю.М. Семиосфера. Культура и взрыв среди мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. СПб.: Искусство, 2000.
- Лурье С.В. Историческая этнология. М.: Академический Проект, 2004.
- Малахов В.С. Скромное обаяние расизма и другие статьи. М.: Модест Колеров и “Дом интеллектуальной книги”, 2001.
- Мартынова М.Ю. (ред.) Границы, культура и идентичность. Этнология восточнославянского пограничья. М.: ИЭА РАН, 2012.
- Мартынова М.Ю. (ред.) XIII Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Казань, 2–6 июля 2019 г. М.; Казань: ИЭА РАН; КФУ; Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019.
- Мартынова М.Ю., Степанов В.В. Измерение культурного многообразия. Языковая ситуация, переписи, полевая этностатистика. М.: ИЭА РАН, 2019.
- Момджян К.Х., Антоновский А.Ю. (ред.) Этнос, нация, ценности. Социально-философские исследования. М.: Канон, 2015.

- Новикова Н.И. (ред.) Люди Севера: права на ресурсы и экспертиза. М.: Изд. дом “Стратегия”, 2008.
- Новикова Н.И. Охотники и нефтяники. Исследования по юридической антропологии. М.: Наука, 2014.
- Новикова Н.И., Функ Д.А. Север и северяне. Современное положение коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. М.: ИЭА РАН, 2012.
- Петрухин В.Я., Раевский Д.С. История народов России в древности и раннем средневековье. Учебное пособие для бакалавриата и магистратуры. М.: Юрайт, 2018.
- Полеванов В.П., Порфирьев Б.Н. О климатической проблеме и природоподобных технологиях // Экономические стратегии. 2017. № 3. С. 40–49.
- Полещук В.В., Степанов В.В. Этническая политика в странах Балтии. М.: Наука, 2013.
- Попков Ю.В. Глобальный контекст актуализации темы идентичности и ее место в проблемном поле государственной национальной политики России // Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий / Отв. ред. Е.Ф. Фурсова. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. С. 9–17.
- Рыбаков С.Е. Философия этноса. М.: ИПК Госслужбы, 2001.
- Соколова З.П. Этнограф в поле. Западная Сибирь. 1950–1980-е годы. М.: Наука, 2016.
- Соколовский С.В. Парадигмы этнологического знания // Этнографическое обозрение. 1994. № 2. С. 3–17.
- Соколовский С.В. Четверть века российской антропологии: 1975–2000 // Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. 2003. Вып. 9. С. 136–159.
- Соколовский С.В. Российская антропология: иллюзия благополучия // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2009. № 1. С. 45–64.
- Соколовский С.В. В цейтноте: заметки о состоянии российской антропологии // Laboratorium. Журнал социальных исследований. 2011. № 2. С. 70–89.
- Соколовский С. Зеркала и отражения, или еще раз о ситуации в российской антропологии // Антропологический форум. 2014. № 20. С. 143–188.
- Соколовский С.В. Российская антропология: современная проблематика и дисциплинарное устройство // Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Вып. 19 / Ред.-сост. А.А. Пископфель и др. М.: “Наследие ММК”, 2015. С. 131–169.
- Соколовский С.В. Будущее антропологии: кросс-, интер-, мульти-, транс-, а- или постдисциплинарность? // Сибирские исторические исследования. 2016. № 4. С. 12–29. <https://doi.org/10.17223/2312461X/14/2>
- Соколовский С.В. Теории вещей и этнографии материальности // Российская антропология и “онтологический поворот” / Отв. ред. С.В. Соколовский. М.: ИЭА РАН, 2017.
- Соловей Т.Д. От “буржуазной” этнологии к “советской” этнографии. История отечественной этнологии первой трети XX века. М.: ИЭА РАН, 1998.
- Степанов В.В., Черных А.В. (ред.) Государственная национальная политика России: экспертное мнение. М.: ИЭА РАН, 2018.
- Стефанович П.С. Новые подходы к этничности в медиэвистике: взгляд из “древнерусской перспективы” // Историческая память и российская идентичность / Под ред. В.А. Тишкова, Е.А. Пивневой. М.: РАН, 2018. С. 467–486.
- Тишков В.А. К истории возникновения франко-канадского национального вопроса // Вопросы истории. 1974. № 1. С. 76–90.
- Тишков В.А. Политика двуязычия в Канаде // Расы и народы: ежегодник. М.: ИЭА РАН, 1977. С. 207–224.
- Тишков В.А. Освободительное движение в колониальной Канаде. М.: Наука, 1978.
- Тишков В.А. О новых подходах в теории и практике межнациональных отношений // Советская этнография. 1989а. № 5. С. 3–15.
- Тишков В.А. Да изменится молитва моя! О новых подходах в теории и практике межнациональных отношений. М.: ИНИОН, 1989б.
- Тишков В.А. Об идее нации // Общественные науки. 1990. № 4. С. 83–95.
- Тишков В.А. Советская этнография: преодоление кризиса // Этнографическое обозрение. 1992. № 1. С. 5–19.
- Тишков В.А. Что есть Россия? (Перспективы нациестроительства) // Вопросы философии. 1995. № 2. С. 3–17.
- Тишков В.А. О нации и национализме: полемические заметки // Свободная мысль. 1996. № 3. С. 30–38.

- Тишков В.А. Забыть о нации: постнационалистическое понимание национализма // Вопросы философии. 1998. № 9. С. 3–26.
- Тишков В.А. Горизонты российской этнологии. К 70-летию Института этнологии и антропологии РАН // Новая и новейшая история. 2002. № 5. С. 3–18.
- Тишков В.А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003а.
- Тишков В.А. Российская этнология: статус дисциплины, состояние теории, направления и результаты исследований // Этнографическое обозрение. 2003б. № 5. С. 3–23.
- Тишков В.А. (ред.) Российская нация: становление и этнокультурное многообразие. М.: Наука, 2011.
- Тишков В.А. Российский народ. История и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013.
- Тишков В.А. (ред.) Российская Арктика: коренные народы и промышленное освоение. М.; СПб.: Нестор-История, 2016а.
- Тишков В.А. От этноса к этничности и после // Этнографическое обозрение. 2016б. № 5. С. 5–22.
- Тишков В.А. Мы – российский народ. Обществознание. Учебно-методическое пособие. М.: Вентана-Граф, 2019а.
- Тишков В.А. Народ не умирает вместе с языком // Известия. 12 сентября 2019б.
- Тишков В.А., Артемова О.Ю. Антропология и этнология. Учебник для вузов. М.: КДУ; Университетская книга, 2018.
- Тишков В.А., Пиинева Е.А. Этнологические и антропологические исследования в российской академической науке // Новая и новейшая история. 2010. № 2. С. 3–21.
- Тишков В.А., Степанов В.В. (ред.) Феномен этнического конфликта: междисциплинарный подход и общественные практики. Опыт предупреждения и урегулирования конфликтов. М.: ИЭА РАН, 2018а.
- Тишков В.А., Степанов В.В. (ред.) Этническое и религиозное многообразие России. М.: ИЭА РАН, 2018б.
- Тишков В.А., Филиппова Е.И. Культурная сложность современных наций. М.: РОССПЭН, 2016.
- Тишков В.А., Шнирельман В.А. (ред.) Национализм в мировой истории. М.: Наука, 2007.
- Тишков В.А., Шнирельман В.А. (ред.) Этничность и религия в современных конфликтах. М.: Наука, 2012.
- Токарев С.А. Этнография народов СССР. Исторические основы быта и культуры. М.: Изд-во МГУ, 1958.
- Тумаркин Д.Д. (ред.) Репрессированные этнографы: В 2-х вып. М.: Восточная литература, 2002–2003.
- Уваров М.С. Бинарный архетип. Эволюция идеи антиномизма в истории европейской философии и культуры. СПб.: Изд-во БГТУ, 1996.
- Филиппова Е.И. Понятие “ethnie” во французской научной традиции и его политическое использование // Этнографическое обозрение. 2007. № 3. С. 52–60.
- Филиппова Е.И. (ред.) Социальная антропология во Франции. XXI век. М.: ИЭА РАН, 2009.
- Филиппова Е.И. Территории идентичности в современной Франции. М.: ИЭА РАН, 2010.
- Филиппова Е.И., Филиппов В.Р. Камо грядеши? // Этнографическое обозрение. 1992. № 6. С. 3–17.
- Функ Д.А., Томилов Н.А. (ред.) Тюркские народы Сибири. М.: Наука, 2006.
- Фурсова Е.Ф. (ред.). Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019.
- Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года / Пер. с англ. А.А. Васильева. СПб.: Алетейя, 1995.
- Чеснов Я.В. Лекции по исторической этнологии. М.: Гардарики, 1998.
- Чешко С.В. Человек и этничность // Этнографическое обозрение. 1994. № 6. С. 35–49.
- Шнирельман В.А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М.: Академическая книга, 2003.
- Шнирельман В.А. Быть аланами. Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М.: НЛО, 2006.
- Шнирельман В.А. “Порог толерантности”: идеология и практика нового расизма: В 2-х т. М.: НЛО, 2011.

- Шнирельман В.А.* Русское родноверие: неоязычество и национализм в современной России. М.: ББИ, 2012а.
- Шнирельман В.А.* Хазарский миф: идеология политического радикализма в России и ее истоки. М.: Мосты культуры – Гешарим, 2012б.
- Шнирельман В.А.* Арийский миф в современном мире. М.: НЛЮ, 2015.
- Anderson D.G., Arzyutov D.V.* The Construction of Soviet Ethnography and “The Peoples of Siberia” // *History and Anthropology*. 2016. Vol. 27 (2). P. 183–209. <https://doi.org/10.1080/02757206.2016.1140159>
- Anderson D.G., Arzyutov D.V.* The *Etnos* Archipelago: Sergei M. Shirokogoroff and the Life History of a Controversial Anthropological Concept // *Current Anthropology*. 2019. Vol. 60 (6). P. 741–773. <https://doi.org/10.1086/704685>
- Anderson D.G., Arzyutov D.V., Alymov S.S.* (eds.) *Life Histories of Etnos Theory in Russia and Beyond*. Cambridge, UK: Open Book Publishers, 2019.
- Barth F.* (ed.) *Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference*. Bergen: Universitetsforlaget, 1969.
- Barth F.* *Ethnic Groups and Boundaries* // *Ethnicity* / Eds. J. Hutchinson, A.D. Smith. Oxford: Oxford University Press, 1996. P. 75–82.
- Bateson G.* *Steps to an Ecology of Mind: Collected Essays in Anthropology, Psychiatry, Evolution, and Epistemology*. L.: Jason Aronson Inc, 1987.
- Bessire L., Bond D.* *Ontological Anthropology and the Deferral of Critique* // *American Ethnologist*. 2014. Vol. 41 (3). P. 440–456. <https://doi.org/10.1111/amet.12083>
- Boehm Ch.* *Moral Origins: The Evolution of Virtue, Altruism, and Shame*. N.Y.: Basic Books, 2012.
- Boehm Ch., Flack J.* *The Emergence of Simple and Complex Power Structures through Social Niche Construction* // *The Social Psychology of Power* / Ed. A. Guinote. L.: Guilford, 2010. P. 46–87.
- Bondarenko D.M., Korotaev A.V., Kradin N.N.* *Preface to the Second Edition* // *Alternatives of Social Evolution* / Eds. N.N. Kradin, A.V. Korotaev, D.M. Bondarenko. Saarbücken: LAP Lambert Academic, 2011. P. 9–26.
- Clifford J., Marcus G.E.* (eds.) *Writing Culture: The Poetics and Politics of Ethnography*. Berkeley: University of California Press, 1986.
- Cohen A.P.* *Self Consciousness: An Alternative Anthropology of Identity*. L.: Routledge, 1994.
- Comaroff J.* *The End of Anthropology, Again: On the Future of an In/Discipline?* // *The End of Anthropology?* / Ed. H. Jebens, K.-H. Kohl. Wantage: Sean Kingston Publishing, 2011. P. 81–112.
- Eriksen T.H., Jacobek M.* (eds.) *Ethnic Groups and Boundaries Today: A Legacy of Fifty Years*. L.: Routledge, 2019.
- Etkind A.* *Internal Colonization: Russia’s Imperial Experience*. Cambridge, UK: Polity Press, 2011.
- Feyerabend P.* *Against Method*. L.: Verso, 2001.
- Finlayson B., Warren G.* (eds.) *The Diversity of Hunter-Gatherer Pasts*. Oxford: Oxbow Books, 2017.
- Fischer M.M.J.* *Emergent Forms of Life and the Anthropological Voice*. Durham: Duke University Press, 2003.
- Flannery K., Marcus J.* *The Creation of Inequality: How our Prehistoric Ancestors Set the Stage for Monarchy, Slavery, and Empire*. Cambridge: Harvard University Press, 2012.
- Geertz C.* *The Interpretation of Cultures*. N.Y.: Basic Books, 1973.
- Gellner E.* (ed.) *Soviet and Western Anthropology*. L.: Duckworth, 1980.
- Gellner E.* *State and Society in Soviet Thought*. Oxford: Blackwell, 1988.
- Hannerz U.* *Cultural Complexity: Studies in the Social Organization of Meaning*. N.Y.: Columbia University Press, 1992.
- Hannerz U.* *Transnational Connections: Culture, People, Places*. L.: Routledge, 1996.
- Hayden B.* *The Power of Feasts – From Prehistory to the Present*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.
- Hirsch F.* *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*. Ithaca: Cornell University Press, 2005.
- Horowitz D.* *Ethnic Groups in Conflict*. Berkeley: University of California Press, 1985.
- Horowitz D.* *The Deadly Ethnic Riot*. Berkeley: University of California Press, 2001.
- Hutchinson J., Smith A.D.* (eds.) *Ethnicity*. Oxford: Oxford University Press, 1996.
- Kassof A., Plaks L.B.* *Managing Ethnic Conflict: The Kona Statement* // *Project of Ethnic Relations. The Kona Statement*. April 1994. Princeton; New Jersey. <http://www.per-usa.org/1997-2007/kona.htm>

- Kelly R.L.* The Lifeways of Hunter-Gatherers: The Foraging Spectrum. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.
- Kohl K.-H.* Introduction // The End of Anthropology? / Ed. H. Jebens, K.-H. Kohl. Wantage: Sean Kingston Publishing, 2011. P. 1–12.
- Kuper A.* The Original Sin of Anthropology // The End of Anthropology / Ed. H. Jebens, K.-H. Kohl. Wantage: Sean Kingston Publishing, 2011. P. 37–60.
- Lebov O., Crowfoot J.* (ed.) The Soviet Empire: Its Nations Speak Out. Harwood: Taylor & Francis, 1989.
- Lieven A.* Chechnya: Tombstone of Russian Power. New Haven: Yale University Press, 1998.
- Marcus G.E., Fischer M.M.J.* Anthropology as Cultural Critique: An Experimental Moment in the Human Sciences. Chicago: University of Chicago Press, 1986.
- Martynova M., Peterson D., Ignatiev R., Madariaga N.* (eds.) Peoples, Identities and Regions: Spain, Russia and the Challenge of the Multi-Ethnic State. M.: IEA RAN, 2015.
- Olcott M., Tishkov V.* From Ethnos to Demos: The Quest for Russia's Identity // Russia after Communism / Eds. A. Åslund, M.B. Olcott. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 1999. P. 61–90.
- Paxon M.* Solovyovo: The Story of Memory in a Russian Village. Bloomington: Indiana University Press, 2005.
- Schnirelman V.A.* The Value of the Past: Myths, Identity and Politics in Transcaucasia. Osaka: National Museum of Ethnology, 2001.
- Shirokogoroff S.M.* Psychomental Complex of the Tungus. L.: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co. Ltd., 1935.
- Siapkas J.* Ancient Ethnicity and Modern Identity // A Companion to Ethnicity in the Ancient Mediterranean / Ed. J. McInerney. Malden: Wiley Blackwell, 2014. P. 66–81.
- Simpson A.* On Ethnographic Refusal: Indigeneity, "Voice" and Colonial Citizenship // Junctures: The Journal for Thematic Dialogue. 2007. No. 9. P. 67–80.
- Slezkine Y.* The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // Slavic Review. 1994. Vol. 53 (2). P. 414–452. <https://doi.org/10.2307/2501300>
- Smith A.D.* Myths and Memories of the Nation. Oxford: Oxford University Press, 1999.
- Sneath D.* From Transactionalism to Practice Theory // Schools and Styles of Anthropological Theory / Ed. M. Candea. L.: Taylor & Francis, 2018. P. 91–107.
- Spivak G.C.* Can the Subaltern Speak? // Marxism and the Interpretation of Culture / Eds. C. Nelson, L. Grossberg. Chicago: University of Illinois Press, 1988. P. 271–313.
- Tishkov V.A.* The Crisis in Soviet Ethnography // Current Anthropology. 1992. Vol. 33 (4). P. 371–94.
- Tishkov V.* Post-Soviet Ethnography: Not a Crisis but Something More Serious // Anthropology & Archeology of Eurasia. 1994. Vol. 33 (3). P. 87–92.
- Tishkov V.* Ethnicity, Nationalism and Conflict in and after the Soviet Union: The Mind Aflame. L.: Sage Publications, 1997.
- Tishkov, V.A.* U.S. and Russian Anthropology: Unequal Dialogue in a Time of Transition // Current Anthropology. 1998. Vol. 39 (1). P. 1–17.
- Tishkov V.* Chechnya: Life in a War-Torn Society. Berkeley: University of California Press, 2004.
- Tishkov V.* From Ethnos to Ethnicity and Back // Ethnic Group and Boundaries Today: A Legacy of Fifty Years / Eds. T.H. Eriksen, M. Jakoubek. L.: Routledge, 2019. P. 78–92.
- Turner D.A.* This Is Not a Peace Pipe: Towards a Critical Indigenous Philosophy. Toronto: University of Toronto Press, 2006.
- Verdery C.* National Ideology under Socialism: Identity and Cultural Politics in Ceaușescu's Romania. Berkeley: University of California Press, 1991.
- Verdery C.* The Dangerous Shoals of *Ethnic Groups and Boundaries*: A Personal Account // Ethnic Group and Boundaries Today: A Legacy of Fifty Years / Eds. T.H. Eriksen, M. Jakoubek. L.: Routledge, 2019. P. 38–46.
- Vermeulen H.F.* Before Boas: The Genesis of Ethnography and Ethnology in the German Enlightenment. Lincoln: University of Nebraska Press, 2015.
- Vertovec S.* Super-Diversity and Its Implications // Ethnic and Racial Studies. 2007. No. 30 (6). P. 1024–1053.
- Widlok T.* Anthropology and the Economy of Sharing. L.: Routledge, 2016.
- Widlok T.* Extending and Limiting Selves: A Processual Theory of Sharing // Towards a Broader View of Hunter-Gatherer Sharing / Eds. N. Lavi, D.E. Friesem. Cambridge: McDonald Institute for Archaeological Research, 2019. P. 25–38.

Research Article (with Comments)

Tishkov, V.A. From Where is Russian Ethnology and Where is it Going? A Personal View in Global Perspective [Otkuda i kuda prishla rossiiskaia etnologiia: personal'nyi vzgliad v global'noi perspektive]

Comments:

Artemova, O.Yu. Some Academic Reflection [Nemnogo akademicheskoi refleksii]

Arzyutov, D.V., and D.G. Anderson. The “Double Bind” of the Etnos: A Commentary on Academician V.A. Tishkov’s Article [“Dvoinoe poslanie” etnosa: kommentarii k stat'ie akademika V.A. Tishkova]

Balzer, M.M. The Irony of V.A. Tishkov’s Personal Views in a Global Perspective [Ironiia personal'nykh vzgliadov V.A. Tishkova v global'noi perspektive]

Golovnev, A.V. On Tension and Movement [O napriazhenii i dvizhenii]

Filippov, V.R. Why Did We Come Here? [Zachem my siuda prishli?]

Schweitzer, P. A Few Words from Abroad [Neskol'ko zamechaniy iz-za rubezha]

Tishkov, V.A. Response to Commenters [Otvet opponentam]

Etnograficheskoe obozrenie, 2020, no. 2, pp. 73–137. <https://doi.org/10.31857/S086954150009606-6>
ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Author:

Valery Tishkov | <https://orcid.org/0000-0001-5479-9039> | valerytishkov@mail.ru | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32a Leninsky prospekt, Moscow, 119991, Russia)

Commenters:

Olga Artemova | <http://orcid.org/0000-0003-0937-6920> | artemova.olga@list.ru | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32a Leninsky prospekt, Moscow, 119991, Russia)

David Anderson | <http://orcid.org/0000-0002-9624-5867> | david.anderson@abdn.ac.uk | University of Aberdeen, King’s College (Aberdeen AB24 3FX, UK)

Dmitry Arzyutov | <http://orcid.org/0000-0003-3782-9296> | darzyutov@gmail.com | KTH Royal Institute of Technology (Teknikringen 74D, 100 44 Stockholm, Sweden)

Marjorie Mandelstam Balzer | <http://orcid.org/0000-0002-7048-996X> | balzerm@georgetown.edu | Journal Anthropology and Archeology of Eurasia | Georgetown University (37th and O Streets, N.W. Washington, D.C. 20057, USA)

Andrei Golovnev | <https://orcid.org/0000-0002-5716-655X> | andrei_golovnev@bk.ru | Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) (3 University Emb., Saint-Petersburg, 199034, Russia)

Vasily Filippov | <https://orcid.org/0000-0003-0501-8528> | fvr1957@mail.ru | Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences (30/1 Spiridonovka St., Moscow, 123001, Russia)

Peter Schweitzer | <https://orcid.org/0000-0003-1526-1900> | peter.schweitzer@univie.ac.at | Institut für Kultur- und Sozialanthropologie (Universitätsstraße 7, 1010 Vienna, Austria)

Keywords

Russia, multiethnicity, world anthropology, Soviet and Russian ethnology, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Association of Anthropologists and Ethnologists of Russia, ethnos theory, ethnicity, social constructivism, postcolonialism, indigeneness, indigenous anthropology, ethnonationalism, cultural complexity, nation and nation-building

Abstract

The article presents an overview of major trends in, and challenges of, the Russian ethnology for the past three decades. This is an examination of the state of the art from an intra-disciplinary perspective insofar as the author had a privilege to be in the center of Russian academic and public life for many years. He initiated and influenced academic strategies and institutional transformations as the long-term director of the Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences. This is also an outlook on Russia's national school of ethnology presented in the context of broader theoretical shifts and disciplinary changes in social/cultural anthropology and ethnology in the world. The key issues discussed are: a) the professional disciplinary inertia and a hard road to the reassessment of the Soviet legacies; b) the constraining effects of public practices on the choice of theoretical stances or concepts, such as social constructivism; c) the contradictory influence on the academic community on the part of the dominant discourse of ethnonationalism and the practices of “postcolonial” or indigenous anthropology; d) the integration of the traditional ethnographic method and innovative approaches and the prospects for looking into cultural commonalities as opposed to the long-lived anthropological obsession with establishing cultural differences. The article discusses a nation-building project based on the vision of Russia as a multiethnic civic nation and the mission of anthropology in this endeavor. The author evaluates the post-Soviet period as the most fruitful one from the viewpoint of opening new research fields, as well as of thematic and geographic expansions. The article is supplemented with comments by O. Artemova, D. Anderson, D. Arzyutov, M. M. Balzer, A. Golovnev, V. Filippov, and P. Schweitzer, and with the author's response.

References

- Anderson, D.G., and D.V. Arzyutov. 2016. The Construction of Soviet Ethnography and “The Peoples of Siberia”. *History and Anthropology* 27 (2): 183–209. <https://doi.org/10.1080/02757206.2016.1140159>
- Anderson, D.G., and D.V. Arzyutov. 2019. The Etnos Archipelago: Sergei M. Shirokogoroff and the Life History of a Controversial Anthropological Concept. *Current Anthropology* 60 (6): 741–773. <https://doi.org/10.1086/704685>
- Anderson, D.G., D.V. Arzyutov, and S.S. Alymov, eds. 2019. *Life Histories of Etnos Theory in Russia and Beyond*. Cambridge, UK: Open Book Publishers.
- Artemova, O.Yu. 2019. Akademicheskie issledovateli v vysshei shkole (Iz opyta dvadtsati let raboty) [Academic Researchers in Higher Education (From the Experience of Twenty Years of Work)]. In *XIII Kongress Antropologov i Etnologov Rossii: Sb. Materialov. Kazan, 2–6 Iulia 2019 g.* [XIII Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia: Proceedings. Kazan, July 2–6, 2019], edited by M.Yu. Martynova, XXXVI – XLIII. Moscow; Kazan: IEA RAN; KFU; Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT.
- Arutyunov, S.A., et al., eds. 1996. *Etnologicheskii slovar'* [Ethnological Dictionary]. Vol. 1, *Etnos. Natsiia. Obshchestvo* [Ethnicity, Nation, Society]. Moscow: VITTAN.
- Arzhantseva, I.A. 2016. *Khorezm. Istoriia otkrytii i issledovani. Etnograficheskii al'bom* [Khorezm: History of Discoveries and Research: Ethnographic Album]. Ulyanovsk: Artishok.
- Barth, F. 1969. *Ethnic Groups and Boundaries*. Bergen: Universitetsforlaget.
- Barth, F. 1996. Ethnic Groups and Boundaries. In *Ethnicity*, edited by J. Hutchinson and A.D. Smith, 75–82. Oxford: Oxford University Press.

- Barth, F., ed. 2006. *Etnicheskie gruppy i sotsial'nye granitsy: sotsial'naiia organizatsiia kul'turnykh razlichii* [Ethnic Groups and Social Boundaries: The Social Organization of Cultural Differences]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
- Bateson, G. 1987. *Steps to an Ecology of Mind: Collected Essays in Anthropology, Psychiatry, Evolution, and Epistemology*. London: Jason Aronson Inc.
- Belkov, P.A. 1993. O metode postroeniia teorii etnosa [On the Method of Constructing a Theory of Ethnos]. In *Etnosy i etnicheskie protsessy. Pamiati R.F. Itsa* [Ethnos and Ethnic Processes: In Memory of R.F. Its], edited by V.A. Popov, 48–61. Moscow: Vostochnaia literatura.
- Bessire, L., and D. Bond. 2014. Ontological Anthropology and the Deferral of Critique. *American Ethnologist* 41 (3): 440–456. <https://doi.org/10.1111/amet.12083>
- Boehm, Ch. 2012. *Moral Origins: The Evolution of Virtue, Altruism, and Shame*. New York: Basic Books.
- Boehm, Ch., and J. Flack. 2010. The Emergence of Simple and Complex Power Structures through Social Niche Construction. In *The Social Psychology of Power*, edited by A. Guinote, 46–87. London: Guilford.
- Bondarenko, D.M., A.V. Korotaev, and N.N. Kradin. 2011. Preface to the Second Edition. In *Alternatives of Social Evolution*, edited by N.N. Kradin, A.V. Korotaev, and D.M. Bondarenko, 9–26. Saarbücken: LAP Lambert Academic.
- Brubaker, R. 2012. *Etnichnost' bez grupp* [Ethnicity Without Groups]. Moscow: Vysshiaia shkola ekonomiki.
- Cheshko, S.V. 1994. Chelovek i etnichnost' [The Man and Ethnicity]. *Etnograficheskoe obozrenie* 6: 35–49.
- Chesnov, Y.V. 1998. *Lektsii po istoricheskoi etnologii* [Lectures on Historical Ethnology]. Moscow: Gardarika.
- Clifford, J., and G.E. Marcus, eds. 1986. *Writing Culture: The Poetics and Politics of Ethnography*. Berkeley: University of California Press.
- Cohen, A.P. 1994. *Self-Consciousness: An Alternative Anthropology of Identity*. London: Routledge.
- Comaroff, J. 2011. The End of Anthropology, Again: On the Future of an In/Discipline? In *The End of Anthropology?*, edited by H. Jebens and K.-H. Kohl, 81–112. Wantage: Sean Kingston Publishing.
- Ekeev, N.V., ed. 2014. *Altai: etnicheskaia istoriia, traditsionnaia kul'tura, sovremennoe razvitiie* [Altaians: Ethnic History, Traditional Culture, Modern Development]. Gorno-Altai: NII altaistiki im. S.S. Surazakova.
- Eriksen, T.H., and M. Jacoubek, eds. 2019. *Ethnic Groups and Boundaries Today: Fifty Years Legacy*. London: Routledge.
- Etkind, A. 2011. *Internal Colonization: Russia's Imperial Experience*. Cambridge, UK: Polity Press.
- Feyerabend, P. 2001. *Against Method*. London: Verso.
- Filippova, E.I. 2007. Poniatie "ethnie" vo frantsuzskoi nauchnoi traditsii i ego politicheskoe ispol'zovanie [The Notion of Ethnie in the French Academic Tradition and Its Political Use]. *Etnograficheskoe obozrenie* 3: 52–60.
- Filippova, E.I., ed. 2009. *Sotsial'naiia antropologiiia vo Frantsii. XXI vek* [Social Anthropology in France: 21st Century]. Moscow: IEA RAN.
- Filippova, E.I. 2010. *Territoriiia identichnosti v sovremennoi Frantsii* [Territory of Identity in Modern France]. Moscow: IEA RAN.
- Filippova, E.I., and V.R. Filippov. 1992. "Kamo griadeshi?" ["Quo vadis?"]. *Etnograficheskoe obozrenie* 6: 3–17.
- Finlayson, B., and G. Warren, eds. 2017. *The Diversity of Hunter-Gatherer Pasts*. Oxford: Oxbow Books.
- Fischer, M.M.J. 2003. *Emergent Forms of Life and the Anthropological Voice*. Durham: Duke University Press.
- Flannery, K., and J. Marcus. 2012. *The Creation of Inequality: How Our Prehistoric Ancestors Set the Stage for Monarchy, Slavery, and Empire*. Cambridge: Harvard University Press.
- Funk, D.A., and N.A. Tomilov, eds. 2006. *Tiurkskie narody Sibiri* [Turkic Peoples of Siberia]. Moscow: Nauka, 2006.
- Fursova, E.F., ed. 2019. *Etnokul'turnaia identichnost' narodov Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Ethnocultural Identity of the Peoples of Siberia and Adjacent Territories]. Novosibirsk: Izdatel'stvo IAET SO RAN.
- Geertz, C. 1973. *The Interpretation of Cultures*. New York: Basic Books.
- Geertz, C. 2004. *Interpretatsiia kul'tur* [The Interpretation of Cultures]. Moscow: ROSSPEN.
- Gellner, E., ed. 1980. *Soviet and Western Anthropology*. London: Duckworth.

- Gellner, E. 1988. *State and Society in Soviet Thought*. Oxford: Blackwell.
- Gellner, E. 1991. *Natsii i natsionalizm* [Nations and Nationalism], translated by I.I. Krupnik. Moscow: Progress.
- Golovnev, A.V. 2016. Yashchik s instrumentami, ili o metodakh antropologii [A Box of Tools, or on the Methods of Anthropology]. In *Universitas historiae*, edited by A.O. Chubarian, 549–556. Moscow: IEA RAN.
- Golovnev, A.V. 2018. Etnografiia v rossiiskoi akademicheskoi traditsii [Ethnography in the Russian Academic Tradition.]. *Etnografiia* 1: 6–39. <https://doi.org/10.31250/2618-8600-2018-1-6-39>
- Guboglo, M.N. 1994. *Razvivaiushchiisia elektorat Rossii: etnopoliticheskii rakurs* [The Developing Electorate of Russia: An Ethnopolitical View]. 2 vols. Moscow: IEA RAN.
- Guboglo, M.N. 2000. *Mozhet li dvuglavyy orel letat' s odnim krylom? Razmyshleniia o zakonotvorchestve v sfere mezhetnicheskikh otноshenii* [Can a Double-Headed Eagle Fly with One Wing? Reflections on Lawmaking in the Field of Interethnic Relations]. Moscow: IEA RAN.
- Guboglo, M.N. 2003. *Identifikatsiia identichnosti. Etnosotsiologicheskie ocherki* [Identification of Ethnicity: Ethnosociological Essays]. Moscow: Nauka.
- Guboglo, M.N. 2005. *Mezhdistsiplinarnye issledovaniia v kontekste sotsial'no-kul'turnoi antropologii* [Interdisciplinary Research in the Context of Sociocultural Anthropology]. Moscow: Nauka.
- Hannerz, U. 1992. *Cultural Complexity: Studies in the Social Organization of Meaning*. New York: Columbia University Press.
- Hannerz, U. 1996. *Transnational Connections: Culture, People, Places*. London: Routledge.
- Hayden, B. 2014. *The Power of Feasts – From Prehistory to the Present*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hirsch, F. 2005. *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*. Ithaca: Cornell University Press.
- Hobsbawm, E. 1995. *Natsii i natsionalizm posle 1780 goda* [Nations and Nationalism after 1780], translated by A.A. Vasiliev. St. Petersburg: Aleteiia.
- Horowitz, D. 1985. *Ethnic Groups in Conflict*. Berkeley: University of California Press.
- Horowitz, D. 2001. *The Deadly Ethnic Riot*. Berkeley: University of California Press.
- Hutchinson, J., and A.D. Smith, eds. 1996. *Ethnicity*. Oxford: Oxford University Press.
- Inikova, S.I., ed. 2009. *Russkie Riazanskogo kraia* [Russians of the Ryazan Region]. 2 vols. Moscow: Indrik.
- Kassof, A., and L.B. Plaks. 1994. Managing Ethnic Conflict: The Kona Statement. In *Project of Ethnic Relations: The Kona Statement*. April 1994. Princeton, NJ. <http://www.per-usa.org/1997-2007/kona.htm>
- Kelly, R.L. 2013. *The Lifeways of Hunter-Gatherers: The Foraging Spectrum*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kohl, K.-H. 2011. Introduction. In *The End of Anthropology?*, edited by H. Jebens and K.-H. Kohl, 1–12. Wantage: Sean Kingston Publishing.
- Kolpakov, E.M. 1995. Etnos i etnichnost' [Ethnos and Ethnicity]. *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 13–23.
- Kryukov, M.V., and I. Zelnov, eds. 1988. *Etnografiia i smezhnye distsipliny. Etnograficheskie subdistsipliny. Shkoly i napravleniia. Metody* [Ethnography and Related Disciplines: Ethnographic Subdisciplines: Schools and Directions, Methods]. Moscow: Nauka.
- Kuper, A. 2011. The Original Sin of Anthropology. In *The End of Anthropology*, edited by H. Jebens and K.-H. Kohl, 37–60. Wantage: Sean Kingston Publishing.
- Kuznetsov, A.M. 2017. Kto vy, professor Shirokogorov? Ili, ostorozhno – fal'sifikatsiia [Who Are You, Professor Shirokogorov? Or Be Careful – A Falsification]. *Vestnik antropologii* 4: 107–118.
- Lebov, O., and J. Crowfoot, eds. 1989. *The Soviet Empire: Its Nations Speak Out*. Harwood: Taylor & Francis.
- Lieven, A. 1998. *Chechnya: Tombstone of Russian Power*. New Haven: Yale University Press.
- Lotman, Yu.M. 2000. *Semiosfera. Kul'tura i vzryv sredi mysl'ashchikh mirov* [Semiosphere: Culture and Explosion in the Thinking Worlds]. St. Petersburg: Iskusstvo.
- Lurie, S.V. 2004. *Istoricheskaiia etnologia* [Historical Ethnology]. Moscow: Akademicheskii Proekt.
- Malakhov, V.S. 2001. *Skromnoe obaianie rasizma i drugie stat'i* [The Discreet Charm of Racism]. Moscow: Modest Kolerov i "Dom intellektual'noi knigi".
- Marcus, G.E., and M.M.J. Fischer. 1986. *Anthropology as Cultural Critique: An Experimental Moment in the Human Sciences*. Chicago: University of Chicago Press.
- Martynova, M., D. Peterson, R. Ignatiev, and N. Madariaga, eds. 2015. *Peoples, Identities and Regions: Spain, Russia and the Challenge of the Multi-Ethnic State*. Moscow: IEA RAN.

- Martynova, M.Yu., ed. 2012. *Granitsy, kul'tura i identichnost'*. *Etnologiya vostochnoslavianskogo pogranich'ia* [Borders, Culture, and Identity: Ethnology of the East Slavic Borderland]. Moscow: IEA RAN.
- Martynova, M.Yu., ed. 2019. *XIII Kongress antropologov i etnologov Rossii: sbornik materialov. Kazan', 2–6 iulia 2019 g.* [XIII Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia: Proceedings. Kazan, July 2–6, 2019]. Moscow; Kazan: IEA RAN; KFU; Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT.
- Martynova, M.Yu., and V.V. Stepanov, eds. 2019. *Izmerenie kul'turnogo mnogoobraziia. Yazykovaia situatsiia, perepisi, polevaia etnostatistika* [The Measurement of Cultural Diversity: Language Situation, Censuses, Field Ethnostatistics]. Moscow: IEA RAN.
- Momdjian, K.Kh., and A.Yu. Antonovsky, eds. 2015. *Etnos, natsiia, tsennosti. Sotsial'no-filosofskie issledovaniia* [Ethnicity, Nation, Values: Social-Philosophical Research]. Moscow: Canon.
- Novikova, N.I., ed. 2008. *Liudi Severa: prava na resursy i ekspertiza* [People of the North: Rights to Resources and Expertise]. M.: Izdatel'skii dom "Strategiia".
- Novikova, N.I. 2014. *Okhotniki i nefitianiki. Issledovaniia po yuridicheskoi antropologii* [Hunters and Oilmen: Studies in Legal Anthropology]. Moscow: Nauka.
- Novikova, N.I., and D.A. Funk, eds. 2012. *Sever i severiia. Sovremennoe polozhenie korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka* [The North and Northerners: The Current Situation of the Indigenous Peoples of the North, Siberia and the Far East]. Moscow: IEA RAN.
- Olcott, M., and V. Tishkov. 1999. From Ethnos to Demos: The Quest for Russia's Identity. In *Russia after Communism*, edited by A. Åslund and M.B. Olcott, 61–90. Washington, D.C.: Brookings Institution Press.
- Paxson, M. 2005. *Solovyovo: The Story of Memory in a Russian Village*. Bloomington: Indiana University Press.
- Petrukhin, V.Ya., and D.S. Raevsky. 2018. *Istoriia narodov Rossii v drevnosti i rannem Srednevekov'e. Uchebnoe posobie dlia bakalavriata i magistratury* [The History of the Peoples of Russia in Antiquity and the Early Middle Ages: A Textbook for Undergraduate and Graduate Courses]. Moscow: Yurayt.
- Poleschuk, V.V., and V.V. Stepanov. 2013. *Etnicheskaia politika v stranakh Baltii* [Ethnic Policy in the Baltic Countries]. Moscow: Nauka.
- Polevanov, V.P., and B.N. Porfiriev. 2017. O klimaticheskoi probleme i prirodepodobnykh tekhnologiiakh [On Climate Issues and Nature-Like Technologies]. *Ekonomicheskie strategii* 3: 40–49.
- Popkov, Yu.V. 2019. Global'nyi kontekst aktualizatsii temy identichnosti i ee mesto v problemnom pole gosudarstvennoi natsional'noi politiki Rossii [The Global Context of the Actualization of the Theme of Identity and Its Place in the Problem Area of the State National Policy of Russia]. In *Etnokul'turnaia identichnost' narodov Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Ethnocultural Identity of Peoples of Siberia and Adjacent Territories], edited by E.F. Fursova, 9–17. Novosibirsk: Izdatel'stvo IAET SO RAN.
- Rybakov, S.E. 2001. *Filosofia etnosa* [The Philosophy of Ethnos]. Moscow: IPK State Services.
- Shnirelman, V.A. 2001. *The Value of the Past: Myths, Identity and Politics in Transcaucasia*. Osaka: National Museum of Ethnology.
- Shirokogoroff, S.M. 1935. *Psychomental Complex of the Tungus*. London: Kegan Paul.
- Shnirelman, V.A. 2003. *Voiny pamiati: mify, identichnost' i politika v Zakavkaz'e* [Memory Wars: Myths, Identity and Politics in the Caucasus]. Moscow: Akademicheskaiia kniga.
- Shnirelman, V.A. 2006. *Byt' alanami. Intellektualy i politika na Severnom Kavkaze v XX veke* [To Be Alans: Intellectuals and Politics in the North Caucasus in the 20th Century]. Moscow: NLO.
- Shnirelman, V.A. 2011. *"Porog tolerantnosti": ideologiya i praktika novogo rasizma* [The Threshold of Tolerance: The Ideology and Practice of the New Racism]. 2 vols. Moscow: NLO.
- Shnirelman, V.A. 2012. *Russian Rodnoverie: Neopaganism and Nationalism in Modern Russia*. Moscow: BBI.
- Shnirelman, V.A. 2012. *Khazar Myth: The Ideology of Political Radicalism in Russia and Its Origins*. Moscow: Mosty Kul'tury – Gesharim.
- Shnirelman, V.A. 2015. *Ariiskii mif v sovremennom mire* [Aryan Myth in the Modern World]. Moscow: NLO.
- Siapkas, J. 2014. Ancient Ethnicity and Modern Identity. In *A Companion to Ethnicity in the Ancient Mediterranean*, edited by J. McInerney, 66–81. Malden: Wiley Blackwell.
- Simpson, A. 2007. On Ethnographic Refusal: Indigeneity, "Voice" and Colonial Citizenship. *Junctures: The Journal for Thematic Dialogue* 9: 67–80.

- Slezkine, Y. 1994. The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism. *Slavic Review* 53 (2): 414–52. <https://doi.org/10.2307/2501300>
- Smith, A.D. 1999. *Myths and Memories of the Nation*. Oxford: Oxford University Press.
- Sneath, D. 2018. From Transactionalism to Practice Theory. In *Schools and Styles of Anthropological Theory*, edited by M. Candea, 91–107. London: Taylor & Francis.
- Sokolova, Z.P. 2016. *Etnograf v pole. Zapadnaia Sibir'. 1950–1980-e gody* [Ethnographer in the Field: Western Siberia, 1950–1980s]. Moscow: Nauka.
- Sokolovskiy, S.V. 1994. Paradigmy etnologicheskogo znaniia [Paradigms of Ethnological Knowledge]. *Etnograficheskoe obozrenie* 2: 3–17.
- Sokolovskiy, S.V. 2003. Chetvert' veka rossiiskoi antropologii: 1975–2000 [A Quarter of a Century of Russian Anthropology: 1975–2000]. *Etnometodologiya: Problemy, Podkhody, Kontseptsii* 9: 136–159.
- Sokolovskiy, S.V. 2009. Rossiiskaia antropologiya: illiuziia blagopoluchiiia [Russian Anthropology: An Illusion of Prosperity]. *Neprikosnovennyi Zapas. Debaty o Politike i Kul'ture* 1: 45–64.
- Sokolovskiy, S.V. 2011. V tseitnote: zametki o sostoianii rossiiskoi antropologii [In Time Trouble: Notes on the State of Russian Anthropology]. *Laboratorium. Zhurnal sotsial'nykh issledovaniy* 2: 70–89.
- Sokolovskiy, S. 2014. Zerkala i otrazheniia, ili eshche raz o situatsii v rossiiskoi antropologii [Mirrors and Reflections, or Again about the Situation in Russian Anthropology]. *Antropologicheskii forum* 20: 143–188.
- Sokolovskiy, S.V. 2015. Rossiiskaia antropologiya: sovremennaia problematika i distsiplinarnoe ustroistvo [Russian Anthropology: Contemporary Issues and Disciplinary Composition]. In *Etnometodologiya: problemy, podkhody, kontseptsii* [Ethnomethodology: Problems, Approaches, Concepts], edited by A.A. Piskoppel et al., 19: 131–169. Moscow: Nasledie MMK.
- Sokolovskiy, S.V. 2016. Budushchee antropologii: kross-, inter-, mul'ti-, trans-, a- ili postdistsiplinarnost'? [The Future of Anthropology: Cross-, Inter-, Multi-, Trans-, A-, or Post-Disciplinarity?]. *Siberian Historical Research* 4: 12–29. <https://doi.org/10.17223/2312461X/14/2>
- Sokolovskiy, S.V. 2017. Teorii veshchei i etnografii material'nosti [Theories of Things and Ethnographies of Materiality]. In *Rossiiskaia antropologiya i "ontologicheskii povorot"* [Russian Anthropology and the "Ontological Turn"], edited by S.V. Sokolovskiy, 3–30. Moscow: IEA RAN.
- Solovei, T.D. 1998. *Ot "burzhuaznoi" etnologii k "sovetskoi" etnografii. istoriia otechestvennoi etnologii pervoi treti XX veka* [From "Bourgeois" Ethnology to "Soviet" Ethnography: A History of Domestic Ethnology of the First Third of the 20th Century]. Moscow: IEA RAN.
- Spivak, G.C. 1988. Can the Subaltern Speak? In *Marxism and the Interpretation of Culture*, edited by C. Nelson and L. Grossberg, 271–313. Chicago: University of Illinois Press.
- Stefanovich, P.S. 2018. Novye podkhody k etnichnosti v mediievistike: vzgliad iz "drevnerusskoi perspektivy" [New Approaches to Ethnicity in Medieval Studies: A View from the "Old Russian Perspective"]. In *Istoricheskaya pamiat' i rossiiskaia identichnost'* [Historical Memory and Russian Identity], edited by V.A. Tishkov and E.A. Pivneva, 467–486. Moscow: RAN.
- Stepanov, V.V., and A.V. Chernykh, eds. 2018. *Gosudarstvennaia natsional'naya politika Rossii: ekspertnoe mnenie* [State National Policy of Russia: An Expert Opinion]. Moscow: IEA RAN.
- Tishkov, V.A. 1974. K istorii vozniknoveniia franko-kanadskogo natsional'nogo voprosa [On the History of Emergence of the French-Canadian National Issue]. *Voprosy istorii* 1: 76–90.
- Tishkov, V.A. 1977. Politika dvuiazychiia v Kanade [Bilingualism Policy in Canada]. *Rasy i narody: ezhegodnik* [Races and Peoples: Yearbook], 207–224. Moscow: IEA RAN.
- Tishkov, V.A. 1978. *Osvoboditel'noe dvizhenie v kolonial'noi Kanade* [Liberation Movement in Colonial Canada]. Moscow: Nauka.
- Tishkov, V.A. 1989. *Da izmenitsia molitva moia! O novykh podkhodakh v teorii i praktike mezhnatsional'nykh otnoshenii* [May My Prayer Change! On New Approaches in the Theory and Practice of Interethnic Relations]. Moscow: INION.
- Tishkov, V.A. 1989. O novykh podkhodakh v teorii i praktike mezhnatsional'nykh otnoshenii [On New Approaches in the Theory and Practice of National Relations]. *Sovetskaia etnografiya* 5: 3–15.
- Tishkov, V.A. 1990. Ob idee natsii [On the Idea of Nation]. *Obshchestvennye nauki* 4: 83–95.
- Tishkov, V.A. 1992. Sovetskaia etnografiya: preodolenie krizisa [Soviet Ethnography: Overcoming the Crisis]. *Etnograficheskoe obozrenie* 1: 5–19.
- Tishkov, V.A. 1992. The Crisis in Soviet Ethnography. *Current Anthropology* 33 (4): 371–94.
- Tishkov, V. 1994. Post-Soviet Ethnography: Not a Crisis but Something More Serious. *Anthropology & Archeology of Eurasia* 33 (3): 87–92.
- Tishkov, V.A. 1995. Chto est' Rossiia? (Perspektivy Natsiostroitel'stva) [What is Russia? (Prospects of Nation-Building)]. *Voprosy filosofii* 2: 3–17.

- Tishkov, V.A. 1996. O natsii i natsionalizme: polemicheskie zametki [On Nation and Nationalism: Polemic Notes]. *Svobodnaia mysl'* 3: 30–38.
- Tishkov, V. 1997. *Ethnicity, Nationalism and Conflict in and after the Soviet Union. The Mind Aflame*. London: Sage Publications.
- Tishkov, V.A. 1998. U.S. and Russian Anthropology: Unequal Dialogue in a Time of Transition. *Current Anthropology* 39 (1): 1–17.
- Tishkov, V.A. 1998. Zabyt' o natsii: postnatsionalisticheskoe ponimanie natsionalizma [Forgetting the Nation: Post-Nationalist Understanding of Nationalism]. *Voprosy filosofii* 9: 3–26.
- Tishkov, V.A. 2002. Gorizonty rossiiskoi etnologii. K 70-letiiu Instituta etnologii i antropologii RAN [Horizons of Russian Ethnology: Toward the 70th Anniversary of the Institute of Ethnology and Anthropology RAS]. *Novaia i noveishaia istoriia* 5: 3–18.
- Tishkov, V.A. 2003. *Rekvjem po etnosu: issledovanie po sotsial'noi i kul'turnoi antropologii* [Requiem for Etnos: A Study in Social and Cultural Anthropology]. Moscow: Nauka.
- Tishkov, V.A. 2003. Rossiiskaia etnologii: status distsipliny, sostoianie teorii, napravleniia i rezul'taty issledovaniia [Russian Anthropology: Contemporary State, Theoretical Directions, and Research Results]. *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 3–23.
- Tishkov, V. 2004. *Chechnya: Life in a War-Torn Society*. Berkeley: University of California Press.
- Tishkov, V.A., ed. 2011. *Rossiiskaia natsiia: stanovlenie i etnokul'turnoe mnogoobrazie* [The Russian Nation: Formation and Ethnocultural Diversity]. Moscow: Nauka.
- Tishkov, V.A. 2013. *Rossiiskii narod. Istoriia i smysl natsional'nogo samosoznaniia* [Russian People: A History and Meaning of the National Identity]. Moscow: Nauka.
- Tishkov, V.A. 2016. Ot etnosa k etnichnosti i posle [From Ethnos to Ethnicity and After]. *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 5–22.
- Tishkov, V.A., ed. 2016. *Rossiiskaia Arktika: korennye narody i promyshlennoe osvoenie* [Russian Arctic: Indigenous Peoples and Industrial Development]. Moscow: Nestor-Istoriia, 2016.
- Tishkov, V. 2019. From Ethnos to Ethnicity and Back. In *Ethnic Group and Boundaries Today: A Legacy of Fifty Years*, edited by T.H. Eriksen, M. Jakoubek, 78–92. London: Routledge.
- Tishkov, V.A. 2019. *My – rossiiskii narod* [We Are the Russian People]. Moscow: Ventana-Graf.
- Tishkov, V.A. 2019. Narod ne umiraet vmeste s yazykom [A People Does Not Die along with Its Language]. *Izvestiia*. 12.09.2019.
- Tishkov, V.A., and O.Yu. Artemova. 2018. *Antropologiya i etnologiya. Uchebnik dlia vuzov* [Anthropology and Ethnology: Textbook for High Schools]. Moscow: KDU, Universitetskaya kniga.
- Tishkov, V.A., and E.A. Pivneva. 2010. Etnologicheskie i antropologicheskie issledovaniia v rossiiskoi akademicheskoi nauke [Ethnological and Anthropological Studies in Russian Academic Science]. *Novaia i noveishaia istoriia* 2: 3–21.
- Tishkov, V.A., and E.I. Filippova. 2016. *Kul'turnaia slozhnost' sovremennykh natsii* [The Cultural Complexity of Modern Nations]. Moscow: ROSSPEN.
- Tishkov, V.A., and V.A. Shnirelman, eds. 2007. *Natsionalizm v mirovoi istorii* [Nationalism in World History]. Moscow: Nauka.
- Tishkov, V.A., and V.A. Shnirelman, eds. 2012. *Etnichnost' i religiiia v sovremennykh konfliktakh* [Ethnicity and Religion in Modern Conflicts]. Moscow: Nauka.
- Tishkov, V.A., and V.V. Stepanov, eds. 2018. *Fenomen etnicheskogo konflikta: mezhdistsiplinarnyi podkhod i obshchestvennye praktiki. Opyt preduprezhdeniia i uregulirovaniia konfliktov* [The Phenomenon of Ethnic Conflict: An Interdisciplinary Approach and Social Practices: Experience in Preventing and Resolving Conflicts]. Moscow: IEA RAN.
- Tishkov, V.A., and V.V. Stepanov, eds. 2018. *Etnicheskoe i religioznoe mnogoobrazie Rossii* [Ethnic and Religious Diversity of Russia]. Moscow: IEA RAN.
- Tokarev, S.A. 1958. *Etnografiia narodov USSR. Istoricheskie osnovy byta i kul'tury* [Ethnography of Peoples of the USSR: Historical Foundations of Life and Culture]. Moscow: Izdatel'stvo MGU.
- Tumarkin, D.D., ed. 2002–2003. *Repressirovannye etnografy* [Repressed Ethnographers]. 2 vols. Moscow: Vostochnaia literatura.
- Turner, D.A. 2006. *This Is Not a Peace Pipe: Towards a Critical Indigenous Philosophy*. Toronto: University of Toronto Press.
- Uvarov, M.S. 1996. *Binarnyi arkhetyip. Evoliutsiia idei antinomizma v istorii evropeiskoi filosofii i kul'tury* [Binary Archetype: Evolution of Antinomianism in the History of European Philosophy and Culture]. St. Petersburg: Izdatel'stvo BGU.
- Verdery, C. 1991. *National Ideology under Socialism: Identity and Cultural Politics in Ceausescu's Romania*. Berkeley: University of California Press.

- Verdery, C. 2019. The Dangerous Shoals of Ethnic Groups and Boundaries: A Personal Account. In *Ethnic Groups and Boundaries Today: A Legacy of Fifty Years*, edited by T.H. Eriksen and M. Jakubek, 38–46. London: Routledge.
- Vermeulen, H.F. 2015. *Before Boas: The Genesis of Ethnography and Ethnology in the German Enlightenment*. Lincoln: University of Nebraska Press.
- Vertovec, S. 2007. Super-Diversity and Its Implications. *Ethnic and Racial Studies* 30 (6): 1024–1053.
- Widlok, T. 2016. *Anthropology and the Economy of Sharing*. London: Routledge.
- Widlok, T. 2019. Extending and Limiting Selves: A Processual Theory of Sharing. In *Towards a Broader View of Hunter-Gatherer Sharing*, edited by N. Lavi and D.E. Friesem, 25–38. Cambridge: McDonald Institute for Archaeological Research.